

Алексей Егоров

НЕБО ЦВЕТА ВЛЮБЛЕННОГО КОТА

Алексей Егоров

Небо цвета влюбленного кота

«Издательские решения»

Егоров А.

Небо цвета влюбленного кота / А. Егоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859580-6

Какого цвета небо у влюбленного кота? Почему крысы умнее людей? Почему комар грустит о цветах у горного озера? Как улитка спасла человека от смерти? Почему Жанна пошла на костер? Почему миссис Kandoms's жила в коробке из под холодильника? Что такое «шлюк», и почему он, избавляя от вечной жизни, возвращает веру в любовь? И почему ради любви нужно спускаться в ад?

ISBN 978-5-44-859580-6

© Егоров А.
© Издательские решения

Содержание

Небо цвета влюбленного кота	6
Любимая иллюзия	7
Лаванда у горного озера	12
Хорошие люди	16
Блаженная глупость	20
Улитка	26
Невероятно необыкновенные бутерброды	30
Дханг	34
Я люблю...	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Небо цвета влюбленного кота

Алексей Егоров

© Алексей Егоров, 2018

ISBN 978-5-4485-9580-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небо цвета влюбленного кота

Кто-то не совсем умный разделил этот мир на два фронта. Черное и белое, плохое и хорошее, ночь и день. Мужчина и женщина. Да и нет.

Удивительно рассуждать об этом, особенно зная, что у души женское начало. Черного и белого цветов в природе не существует. Что для одного хорошо, для другого – плохо. Во многих Балканских странах да – это нет, и наоборот.

А что же остается?

А остается... любовь.

Вот уж что точно не разделить. Если есть, то есть. Если нет...

В глазах женщин, которых я знал, отразилась вся моя правда. Отразилась так честно и непосредственно, что даже стало страшно. Захотелось на крышу, выпить залпом бутылку красного вина и спеть старинную французскую песенку о коте, влюбленном в радугу. Кот был глуп и не понимал, что радуга – это всего-навсего свет, преломленный в дожде. Так просто: немного воды и света, немного любви и цвета. Говорят, что влюбленные коты видят только один цвет. Синий.

Для любви котам нужно так мало. Любить. Синий цвет. Крыша.

Однажды я ей сказал:

– Когда ты смотришь на меня, я счастлив.

– Что это такое? – спросила она.

– Это когда ты точно знаешь, что чистое синее небо где-то высоко над головой, но вдруг оно обрушивается на тебя всем своим великолепием. Поглощает и окутывает все твое сознание. И ты понимаешь, что небо – это то, что внутри тебя. От этого немного щекотно в области груди, но довольно терпимо. Только страшно.

Страшно потому, что твое небо в данный момент над головами миллионов людей. Для одних оно безоблачное и синее, такое же синее, как вода в океане. Для других – черное, как черничный кекс, пригоревший на противне в духовом шкафу. Для тебя – голубое с проседью перьевых облаков, как мазки на картинах Моне. Для меня... Стоит только усомниться – затянет черными тучами и прольется дождем. Или упадет, не удержится. И с треском, и вдребезги, на мелкие кусочки.

И нет в этом небе ничего святого или волшебного, покуда не окажется оно внутри и не защекочет. А потом и нас с тобой не станет, а оно переселится в другое сердце и там будет жить. Вечное, свободное, наше. И кот, прищулив глаза от ярко-синего, прочитает наивные детские стихи:

Немного воды и света,
Немного любви и цвета,
Немного, еще немного...
И нас поведет дорога
По небу, где высоко
Разлитое молоко.

Котам-то виднее, как устроен этот мир. И они, в отличие от тебя, точно знают, что такое счастье.

Любимая иллюзия

Оуш выдохнул тяжело и сказал:

– Сколько можно просидеть в тишине, наблюдая за каплей воды, испаряющейся с твоей лапки? Наверняка целую вечность, если сказать тебе, что жить ты будешь, покуда сидишь и наблюдаешь. А когда надоест, сразу же умрешь. Наверняка это был бы очень занимательный эксперимент. Ведущий к очередному бессмертию или скорейшей гибели от потери времени после отсутствия смысла жизни. Но мы с вами у пруда не сидим и за каплей не наблюдаем. Тем не менее смысла в том, что так удивительно проходит мимо нас, мы не видим. Или нам просто его не показывают в том виде, в каком оно и поддается пониманию. Это как растворенное в теплом молоке печенье. Раз – и оно есть, раз – и его нет.

Или...

Смысла во всем этом просто нет!

Но цепочка выводов потянет за собой много противоречий и потребует излишней доказательной базы. Если нет смысла, значит, и нет бога, счастья, веры, надежды... любви?

Зачем тогда люди все это придумали так, как придумали?

Именно «зачем», а не «почему». Потому что, по совету одного мудреца, который утвердился в мнении, что ответа на вопрос «почему» не существует в природе, мы с вами таких вопросов задавать не станем.

Предположим, что вас воспитывали в некоей системе координат. Вас научили, что такое белое и черное, добро и зло, ночь и день. Вот кислое, а вот соленое, вот острое, а вот тупое. И вдруг вы сталкиваетесь с миром, где все наоборот. Точнее, все не так, как в вашем мире. И первое, что у вас происходит – это полное и безоговорочное отторжение данного мировоззрения. Но, в сущности, если просто остановиться и понаблюдать за противоположной точкой зрения, то начинаешь понимать, что жизнь здесь течет в том же самом русле, только не так, как думали вы. Но течет!

Вот пример. Вы жили и работали только днем – перешли в организацию, где только ночные смены. Здесь точно так же работают, только в темное время суток.

Вы ходили в лютеранский приход – потом ваши родители переехали по работе в Бомбей, и вы узнали о существовании Ганеша. Здесь тоже верят в бога, только он со слоновой головой.

Вы животное, а он человек. Вы с долгом, а он со счастьем. Тоже живое, но с каким-то смыслом жизни.

Если вы реально видите загвоздку в этих сравнениях, то есть вам очень существенны именно детали, а не суть, значит, вы вряд ли поймете смысл жизни непосредственно там, где его особенно-то и нет. И тем более там, где он есть. А если наша жизнь такова, то акт созерцания испаряющейся капли с вашей лапки на берегу озера имеет столько же смысла, как если бы он вообще никакого смысла не имел. Как сказал мудрец: «Осмысление мира – это доказательство его бессмысленности».

Я стоял и смотрел на него с вытупленными глазами. Никогда не думал, что мы, крысы, можем быть подобными! Говорят, он стал таким после того, как выбрался из железной бочки с отравленным зерном. И еще говорят, что он – легенда. Правда, об этом я стеснялся спросить его. Он был просто необыкновенным. Пожилой, с седой прожилиной вдоль спины, очень длинным хвостом и огромными серыми проникновенными глазами.

– Меня воспитали как и всех, – сказал я, – идти за лидером. Лидер всегда прав, ведь у крыс лидер всегда прав не потому, что он так решил, а потому, что все так решили. Но крысы из лаборатории, те, что белые с красными глазами, сказали мне, что у людей есть какой-то смысл жизни. Лидер посоветовал мне обратиться с этим вопросом к тебе, Оуш, вот я и пришел. Но ничего из того, что ты сказал, я не понял. Может, ты проще объяснишь мне, что это у людей

за штука такая в головах? И еще ты про какое-то счастье говорил и еще много непонятных мне слов и понятий.

– Ты же хорошо воспитан для крысы – сказал Оуш, – а если так, то ты прекрасно должен понимать устройство твоего мира. Крысу воспитывают так, чтобы она знала, что такое долг. Долг – это именно коллективное решение стаи. Но ответственность в исполнении долга у каждой крысы индивидуальна. От каждого из нас зависит осуществление всего нашего предназначения. И вот когда цель стаи будет достигнута, долг считается выплаченным, это и называется счастьем.

– Значит, счастье, именно мое счастье, – это когда у всех все хорошо. И я к этому причастен, да?

– У крыс это именно так, малыш, – Оуш тяжело выдохнул, – у людей немного по-другому. У людей абсолютное счастье называется эгоизм, и счастливым себя ощущает человек только когда он, это называется Я, и у него все хорошо. Человеческая природа не терпит жертвенности. Она скорее терпит ее присутствие, именно терпит... скрипя от злобы зубами и сверкая глазами. У людей признаком несчастья является полное несоответствие происходящего извне с тем шаблоном, что тщательно прорисован в сознании. «Все не так, как я хочу», – говорят люди и страдают. Что тебя еще заботит?

– Вы сказали «бог». Что это значит для людей? Что значит «вера»?!

– Про веру ничего не скажу. Кайфую с тех пор, как понял, что бог всегда здесь и сейчас.

Верить в бога глупо, наверное. Мы же, например, не верим в кофе или сахар. Мы просто знаем, что они есть.

Для меня здесь вообще ничего нет, кроме бога. И не важно, что нужно делать, чтобы его найти, – читать молитвы, петь «Говиндам ади пурушам» или ругаться матом. Каждый человек хочет, чтобы его любили таким, какой он есть, со всеми его закидонами и тараканами. И бог хочет.

Мы всегда думаем, что любим кого-то. Пока он молод и прекрасен. И никому в голову не приходит полюбить бомжа под лавочкой. Он для нас деградант и «фу, ну и вонь!». А бомж – всего-навсего один из тараканов бога. Не думал об этом?

Мечты сбываются. Чаще всего да. Но как-то не так и не тогда, когда хотелось бы. В моей жизни все сбывалось, но мне это было уже не нужно. А потом я понял, что мне вообще ничего не нужно, кроме того, что дает каждый новый день. У людей же все немного иначе. Он наказывает, он дает испытания. Крысы бы уже давно сошли с ума, если бы так думали. Крысы знают, что все происходит по формуле. Тебя же учили в школе сынок?

– О да, – отозвался я, – все во Вселенной записано математическим языком. И каждая душа в проекции очень длинной формулы постоянно совершает какие-то действия. Умножает, прибавляет или делит. И то, как и где ты сейчас живешь, зависит от твоих алгебраических действий в прошлом. Если, как говорится, ты в свое время умножил все на ноль, то через какое-то время неумолимо получи решение. И все, что тебя окружает, зависит только от этого. Бог тут ни причем, учитель, ведь так?

– У крыс так, у людей, опять же, все наоборот.

– Странные эти люди, – сказал я. – Если у них нет коллективного долга с вытекающей индивидуальной ответственностью, ведущей к общему счастью, зачем они тогда вообще живут? Бога не знают, счастья не ведают, зачем живут?

Я закрыл брошюру и выдохнул. Читиво, что дала мне Оля, действительно было увлекательным. Я любил подобные головоломки и всегда обращал на них внимание в книжных лавках. А тут она:

– Возьми, почитай, потом в чате поделишься своим мнением. У нас это называется новая религия.

– У кого это «у нас»? – строго спросил я, но брошюру взял.

– Мы, – и она аккуратно наклонилась к моему уху и нежно прошептала, еле дотрагиваясь губами до мочки: – Новая религия.

Я поежился.

Но любопытство пересилило, и вечером после насущных дел я все же зашел на ее страницу. Она была очень красочной. В заголовке была кроваво-красная надпись: «У бога нужно просить только то, что он реально желает для нас. У него на нас свои планы. Вот только с нами они немного не согласованы».

Я улыбнулся, это было забавно.

Далее шел сам чат общения. Я кликнул на окно с именем «Оля» и начал читать:

«Что вообще веселит твою душу? Ведь что-то должно радовать и огорчать тебя? Бесить?! Балет, влажные салфетки, когда водят пенопластом по стеклу. Или аромат ландышей в душном, затхлом и спертном помещении. Такой зловонный и проникающий в любую дырочку аромат ландышей.

Или, возможно, что-то придает твоей жизни значимость. Лично для меня особая значимость появляется при простом, самом незатейливом. Например, зерна граната на детской ладони в лучах заходящего солнца. Это неповторимое зрелище. Или губы жирафа, ты когда-нибудь трогал губы жирафа? Это невозможно как приятно, черт побери. Секс по сравнению с этим – фарс. Поверь мне, малыш!».

Я не знаю, для кого она написала это послание, но, кликнув ниже на сноску «ответить», я набрал следующий текст:

«То, что ты дала мне про крыс, это, конечно, очень оригинально. По-твоему, крысы – это венец творения? Жирафа за губы я не трогал, да я, если честно, вообще никого за губы не трогал».

Я рассмеялся, но написал чистую правду. Встал, прошелся по комнате и немного размялся. Как вдруг от нее пришел ответ. Мой компьютер весело тренькнул в одинокой пустоте комнаты, и я, к своему удивлению, сломя голову понесся к нему.

«Сегодня очень захотелось надеть красное платье. Знаешь, когда осень, всегда хочется соответствовать. Как еще по-другому, я просто не знаю. Знаю, что, если выряджусь в это дурацкое платье и напьюсь красного вина до одури, выползу босиком на улицу и пойду по лужам. Возможно, я даже простыну и умру в эту осень. Но я так хочу этого.

Я не знаю, как это у всех. Я знаю, как это у меня. А у меня в голове поет Лана Дель Рей. И мы вместе с ней в этих дурацких красных платьях. А ты с кем?».

Я прочел и огляделся, в комнате я был явно один. Хотя мне на секунду показалось, что кто-то за мной подсматривает. Тем временем от нее пришло второе сообщение:

«Отвечаю на вопросы, – писала она, – если тебе интересно мое мнение, то я его, конечно, выскажу. Но я почему-то думала, что тебя заинтересует истина»)).

Мое мнение таково: на земле нет венца творения. На земле все одинаковое. Дерево, цветок, крыса или человек – все одно и то же. Даже кучка дерьма из-под собачки и ты – одно и то же. Как тебе моя концепция?».

«Тогда зачем эта ваша брошюра», – быстро набрал я и поморщился. Мне было немного неприятно читать о том, что меня сравнивают с этим...».

«А теперь истина, – появился новый текст, – и она заключается в том, что ты, как и я, как и все вокруг, просто хочешь быть счастливым. А счастье – это... Вот для тебя, к примеру...

Хотя нет, я сейчас попробую объяснить, что это для меня, чтобы ты понял, что я имею в виду. Вот, предположим, ты есть у меня. И неужели ты не понимаешь, что счастье для меня – чтобы ты был рядом, когда ты нужен. А когда не нужен, чтобы тебя не было. Все очень просто. Это то же самое, если бы ты научился понимать все, что происходит вокруг. Ты бы понял, что самые болтливые существа на земле – это деревья. Самые влюбленные – собаки. И самые чувственные – блохи. А люди? Вот тебе и вопросик, так вопросик».

«И какое же место по твоей классификации занимаем мы с тобой? – набрал я.

«Ты дурак, что ли, – ответила Оля, – я же писала тебе, что мы все одинаковые, ну! Просто мы с тобой понимать мир должны начинать, учиться у них. У тех, кто этот мир и создал. У крыс».

«Хочешь сказать, что крысы создали нас с тобой?».

«Нет, ты точно придурочный, – появился текст, – я же тебе только что написала об этом, или у тебя комп глючит)))) Малыш, переустанови винду)))) Ты спишьььь...».

– Сама ты спишь, чучундра, – зло выругался я, но писать не стал. Тем временем от нее пришло новое сообщение:

«Учиться, да, нужно, но для этого мало только читать брошюры. Важно все. Никогда не знаешь, где «торкнет». Это может быть все, что угодно: музыка весны или осени или неправильно услышанный обрывок диалога на улице...»)

Здесь нужно прежде всего научиться слышать себя... Там, внутри тебя, есть и твой слог, и твой звук, все есть, но вытаскать это на поверхность – это уже искусство. И это всегда происходит вне нашего желания. Одного желания научиться чему-то мало.

Этому нужно позволить БЫТЬ.

Вот здесь, хоть тресни, но пока не созрешь – не сможешь))

Если из кожи вон лезть и искать то самое слово, уходит легкость. Без нее уходишь и ты сам. Если напишешь «тяжело», тебе не будут верить. Наверное, так, я не настаиваю на правильности сказанного, но помнишь фразу Высоцкого: «Я сказал – Горбатый!». Уверенно и мощно... Вот так же и своему внутреннему художнику ты должен скомандовать.

Хорошие преподаватели вокала буквально вытаскивают на поверхность голос своих учеников. Они его каким-то чудесным образом слышат задолго до пробивания им собственной скорлупы...

Вот теперь представь, что я – это тот самый преподаватель)) И кстати, дочитай брошюру до конца и последуй ее наставлениям, может, твоя жизнь и изменится. Это такая моя любимая иллюзия. Ладно, родной, мне пора мыть лапки и укладываться в норку... Чюююююс!».

Я выключил компьютер. Настроение было препоганеньким. Сильно захотелось выпить и закурить. Чего я не делал уже больше года. Я пошарил по карманам и вынул эту чертову брошюру. И действительно, я немного не дочитал ее до конца.

...Бога не знают, счастья не ведают, зачем живут?

– Как же все это понять, Оуш? – спросил его я.

Он принял очень величественный вид и посмотрел в пустоту дверного проема:

– Созидая все, нужно нести ответственность, – сказал он тихо и размеренно, а потом еще добавил: – А давая созданному право выбора, ответственность возрастает в сотню раз. Счастье человека – это бог рядом, когда он нужен, а когда не нужен, чтобы его не было.

– А на самом деле? – испуганно спросил я.

– А нет никакого «на самом деле», – улыбнулся Оуш, – есть просто те, кто это понимают, и есть те, кому это еще стоит понять. Передвигаясь на двух ногах, сложно понять смысл жизни. Еще сложнее тем, кто при этом много говорит, думает и рассуждает. Уж так мы с тобой это придумали. Уж так все вышло, сынок.

Я отшвырнул ее в сторону и направился к бару. Налил полный стакан виски и залпом засадил. Потом повторил еще раз. Я накинул ветровку и выбежал на улицу. Лил дождь, и ветер гонял по тротуару жухлую листву. Я подошел к мусорным контейнерам и яростно заорал:

– Эй вы, создатели гребаной реальности, выходите-ка сюда.

Помойка отозвалась молчанием. Потом что-то зашуршало, выглянула небольшая серая мордочка.

– Что, скотина, – ликовал я, – давай, зови своего Оуша, – пусть объяснит мне все по понятиям...

Я ткнулся в бак и начал руками ловить крысу. Она испуганно пискнула и, совершив немыслимый прыжок, рванула наутек. Ее длинный лысый хвост еще долго мелькал в темноте.

– Сука! – закричал я истошно и отрывисто. – Расскажи мне про смысл в моей дерьмовой жизни!

Я принялся. А ведь действительно: судя по запаху, я не сильно-то отличался от того, с чем меня сравнивала Оля.

Лаванда у горного озера

«Я глаза твои с тихой грустинкой обмануть никогда не смогу», – это было первое, что я как-то сказал ей наедине. А зачем сказал? Для чего? Зачем люди вообще находят друг друга и говорят подобные слова? Ведь слова не умрут больше никогда, в отличие от людей. И, кружась над землей, слова эти, как снежинки, как сладкая вата, попадут на язык молодому поэту или поэтессе. И пиши пропало...

Потом и станут говорить, как толочь из воды в глиняной ступе розовое масло.

Для одних – просто слова.

Для других – смысл жизни.

Для третьих – сериал о несбывшихся надеждах.

Для меня...

Моя жизнь упорядочена до невозможности. Через минуту я начну обнимать тебя и нюхать твои волосы, через две в голову полезут философские причуды, через три ты развернешься и уйдешь из моей жизни.

* * *

Она так с нежностью посмотрела мне в глаза, что я сразу понял, что больше мы не увидимся никогда. Это произойдет очень обычно: сначала она будет ярко и увлеченно отвечать на мои длинные письма, перечитывая под матовым зеленым ночником мои стихи. Затем все меньше и меньше звонить, пока совсем не скинет вызов, а в коротком сообщении отпишется о невероятной занятости. Потом она исчезнет навсегда.

– Южная ночь – как черничный пирог: вся сладость внутри, – говоришь ты на прощание, провожая меня домой, в Новороссийск.

– Как же точно ты можешь подмечать все то, что так нелепо нас объединяет. Только толку от этой твоей точности нет совсем. Какой прок от пустой чашки, если весь кофе в кофейнике. Аромат есть, а желудок пустой.

– Не нужно так говорить и тем более думать, – говоришь ты, – особенно в дорогу. Я где-то читала, что катастрофы в пути вызывает душевная тяжесть.

– Это что-то новенькое, – обнимаю ее и пытаюсь запомнить запах ее волос. Лаванда у горного озера. Потом она будет сниться мне, погружая и перенося калейдоскопом иллюзий в наши с ней воспоминания, эта ее лаванда у горного озера. Эта моя лаванда у горного озера.

Моя жизнь упорядочена до невозможности. Через две минуты я буду сидеть в кресле и молча пялиться в иллюминатор, через двадцать самолет вырулит на взлетную полосу, через двадцать пять оторвется от земли.

Интересно, как выглядит этот чудак, изобретатель шампуня. Вернее, того ингредиента, который заставляет пахнуть скользкое мыльное варево как нежный цветок. Если бы все люди мылись простой теплой водой и каждый пах тем, чем пах, что бы осталось мне на память от нее? Аромат женщины, немного нежности, немного любви, чуть-чуть обольщения, зелень глаз, умопомрачительная улыбка, легкий оттенок нигилизма и перемешать все длинными стройными ножками. Шампунь с ароматом женщины – надо запатентовать.

И где я вообще ее нашел?

Удивителен вообще факт нахождения мужчиной женщины. Одни прямо-таки ходят по улицам и ищут, ссылаясь на определенные приметы. Рост, цвет или длина волос, наличие других не менее важных органов. Другие постоянно смотрят под ноги, боясь пропустить туфлю нужного размера.

Я ее встретил на улице, просто так встретил, и вот теперь просто так она уходит из моей жизни. Хотя что же я такое говорю?! Конечно, она не просто так стояла на остановке. Она была божественно необыкновенна, и ее челка сопротивляясь ветру, эротично подпрыгивала в унисон Шестой симфонии Шостаковича. Ведь такие вещи для мужчин не проходят просто так.

Но в жизни всегда и все происходит очень просто. Это только нам свойственно всему придавать необычный пафосный оттенок. Бытие не имеет объективного смысла, причины, истины или ценности. И это по большей части известно им, женщинам. А мы, как некий пласт конструктивного гумуса, продолжаем верить в сказки. Ведь самыми знаменитыми сказочниками всегда были мужчины.

Моя жизнь упорядочена до невозможности. Через десять минут мы наберем высоту, через пятнадцать по салону забегают встревоженные, но с очень красивыми прическами стюардессы. Через двадцать минут самолет упадет.

Интересно, что-нибудь в ее сердце екнуло? А у меня? Где она теперь, эта моя лаванда у горного озера? В воздухе невидимой ноткой повис шампунь с ароматом разбитого самолета.

Говорят, что душа после смерти тела якобы покидает его. Я не знаю, что такое душа. Я ее не видел. Не измерял линейкой и не взвешивал на весах. По телевизору ее тоже не показывали. Но я точно знаю, что произошло со мной после вышеописанных событий.

А произошло следующее.

* * *

Комар расправил лапки и с трудом отодрал прилипшее крыло от спины.

«Это надо же было так влипнуть, – подумал он, – и кто, интересно, варенье на столе открытым оставляет?».

И вдруг его осенило. Ранее он вообще не думал. Не то чтобы он совсем был глупым комаром. Скорее наоборот. Просто он молча летал,пил кровь и не думал. Ни о чем. А теперь он подумал сразу несколько раз подряд. Первый – о том, что надо же было так влипнуть. И второй – о том, что он начал думать в принципе.

Данное действо довольно увлекло комара. И он, важно расправляя по очередности то правое, то левое крыло, думал теперь обо всем помаленьку.

«В то, что жизнь без любви не бывает без грустинки задумчивых глаз», – пронеслось в сознании и умолкло.

Ему вдруг вспомнилось его детство, когда он личинкой ковырял палочкой по илистому дну. Потом юность и зрелые годы. Первый полет, первый вкус крови на усиках. Ему вдруг подумалось о людях, о том, что они тоже являются личинками. А когда созреют и душа выйдет из кокона, тогда и станут они настоящими. А пока – пить из них и пить, не убудет. Особенно из женщин, у них кровь отдает нигилизмом и пряной нежностью. И такое легкое послевкусие призрачной надежды.

Но вдруг память еще раз пронзила мыслительная молния. Он вдруг начал осознавать себя по-другому. И память заструилась в маленькой комариной голове, как убегающая вдаль дорога. Он вспомнил ее, аромат ее волос и... падающий самолет. Еще раз осмотрел свои усики и лапки, пошевелил крылышками и наморщил хоботок.

«Что же это такое? – подумал комар и икнул, – я одновременно помню и свою комариную жизнь, и ту, что, вероятнее всего, предшествовала этой. Или это сон, наваждение?».

Но в воздухе явно витал аромат, такой знакомый и такой... Лаванда... у горного озера. Точно! На этот раз память оживила все с такой четкостью, что комар даже подлетел от восторга к потолку.

Немного спилотировав обратно, он уселся на спинку стула и огляделся. Ничего примечательного в его окружении не было. Только свист, приближающийся слева. Но комар не обратил на это должного внимания. Воспоминания увлекли его все сильнее и сильнее.

«Интересно, – подумал я, – почему у меня не исчезла память. Я читал где-то или слышал, что есть такая штука – колесо сансары. И что все мы рождаемся и умираем, переходя из одного состояния или тела в другое. И самое главное, выбор следующей ипостаси зависит от одного единственного фактора. От того, о чем ты больше всего думаешь перед смертью. Но как я, комар с высшим образованием могу верить в подобные сказки?».

Это была последняя мысль, посетившая мою светлую голову. Со свистом и оттяжкой мое нежное тельце припечатало к спинке стула чья-то теплая ладонь.

Какая нелепая жизнь.

* * *

«Какая нелепая жизнь», – подумал Егор и чихнул. Нет, он не простыл, у него просто была аллергическая реакция на пыль. На пыль и сосновые опилки. И почему они постоянно насыпают ему именно сосновые опилки? Они же невозможно воняют лавандой. А ужаснее лаванды может быть только холодная вода и хомячиха по имени Капитолина с эксцентричной челкой. Она, конечно, девушка хоть куда, кто же спорит? Вот только мало кто знает, что хомякам любовь протiwоестественно. У нас, у хомяков, от этого дела сердце может остановиться.

«И кто только придумал садить ее в мою клетку? Сколько же она крови у меня выпила?» – мысли струились, не давая уснуть. Уютно свернувшись в шерстяной комочек, подложив под голову засушенный с весны сухарик, Егор, как обычно, витал в облаках. И тут его передернуло, как будто ударило дверцей клетки.

– Крови попила, – задумчиво произнес хомяк и привстал на задние лапки.

Он отчетливо увидел перед глазами ее образ, расставание в аэропорту, лаванду у горного озера и теплую руку, летящую в его сторону со свистом. Потом хлопок – и самолет упал. «Какая нелепая смерть», – подумалось Егору, и он начал усиленно припоминать то, о чем думал перед самой кончиной в прошлой жизни. Стихи пошли сами собой:

Я глаза твои с тихой грустинкой
Обмануть никогда не смогу.
С половинкой луны половинка
От души опустилась ко дну.

И не верит она, и не знает
Без каких-то особых прикрас
То, что жизнь без любви не бывает
Без грустинки задумчивых глаз.

Настроение было приподнятое, но перед глазами цвела лаванда, и в ее кущах, вульгарно подпрыгивая и виляя мохнатой челкой, дефилировала Капитолина.

«Вот тварь, – подумал Егор, – нужно будет зерно перепрятать».

В этот самый момент его сердце и остановилось.

* * *

Я открыл глаза. Тело у меня отсутствовало. Но я был. Где и кем? Это уже другой вопрос. Хотя.

Вся сущность моя была, и это факт. Я прекрасно помнил себя человеком, комаром, хомяком. Все это пронеслось перед глазами, хотя глаз-то у меня нет. Глаз нет, а я есть.

И тут я увидел ее. Она сидела тихонечко у подоконника и пыталась что-то вспомнить. В руках она держала небольшой заточенный карандаш и блокнот в клетку.

«Что-то пишет», – подумал я и подлетел поближе. Присев на ее плечо, я прочел написанное ею:

«Как бы мне хотелось написать очень красивый роман. Чтобы ты не улетал от меня в неизвестность. Роман, в котором все закончится хорошо. И я вижу это только так.

Мы проснулись с тобой рано утром. Ты обнял меня очень нежно и ласково произнес в ушко:

– Жизнь без любви не бывает, и тебе достаточно просто верить этим моим словам. И все.

И все, и мы отправились с тобой фотографироваться. Меня ты усадил в старинное кресло. Сам важно встал за моей спиной. И вдруг произошло чудо.

Оказалось, что на мне одето старинное платье с вуалью. Широкополая шляпка и белоснежные перчатки с кружевами. На тебе появился темно-лиловый костюм, а в руках трость. Фотограф открыл свой старинный аппарат и важно произнес:

– Приготовитесь, сейчас вылетит счастье. Попробуйте его не упустить.

И я улыбаюсь, и ты становишься очень серьезным. И мы смотрим в объектив.

Вспышка...

Вот такими мы и остались в вечности. На старой фотографии в серой рамке на стене».

И тогда я понял, кем я стал. Я стал мыслью о самом же себе. Воспоминанием о том, чего не случилось.

Но ты, видимо, почувствовав мое незримое присутствие, начала снова отгонять меня своей теплой ладонью. И снова попала мне по лицу. Правда, это случилось нежно и не смертельно, как в случае с комаром. И не так трагично, как с Капитолиной.

Моя жизнь упорядочена до невозможности. Через минуту я улечу в открытый космос. Через пять Земля станет для меня маленьким голубым мячиком. Через сотню лет мы снова встретимся. Где-нибудь в отдаленных уголках Вселенной, чтобы снова попробовать не упустить наше с тобой счастье.

Для одних это просто слова.

Для других – смысл жизни.

Для третьих – сериал о несбывшихся надеждах.

Для меня...

Лаванда у горного озера.

Хорошие люди

– Вы впервые на фронте? Хотя что я такое говорю, – пожилой капитан как будто извинялся за неправильно поставленный вопрос, – что же я такое говорю?

– Наверняка вы хотели спросить: впервые ли мы под бомбежкой? – попробовал поправить его лейтенант.

Речь шла о младшем лейтенанте, только что прибывшем из учебки. Зайдя в блиндаж с улицы, он, отряхиваясь от земли, стоял на пороге и всматривался в его обитателей.

В блиндаже было тепло и сыро, пахло землей и плесенью. В центре стоял небольшой врытый в землю деревянный обшарпанный столик. Рядом устроились четыре небольшие табуреточки. По углам справа и слева коптели керосиновые лампы, отчего было довольно светло. В самом темном углу, копошась и пробуя устроиться поудобнее, все время ворочался пожилой капитан Самойлов:

– Да, сударь, вы таки правы, я вас умоляю, – съязвил он на плохой еврейский манер и наконец нашел ту позу, в которой ему было удобно и лежать и лицезреть происходящее в блиндаже.

– Не говорите так больше, – с вздохом разочарования произнес лейтенант. – Если у вас это плохо выходит, так и не говорите, я вас умоляю, – очень анекдотично произнес он и сделал жест, будто изображая коршуна на утесе в момент взлета.

Лейтенант сидел на своем лежаке высоко, почти под потолком.

Все рассмеялись.

– А ты проходи, что встал там, как гость какой незванный, – обратился лейтенант к младшему, нерешительно мнущемуся у порога. – Там чайник горячий, сахар. Хлеба, правда, нет, зато есть вяленая конина.

– Как вы ее жрете только, вашу мать? – выругался из угла капитан и зло сплюнул на земляной пол. – Жуть какая!

– Как жрем, да ртом и жрем, – рассмеялся лейтенант и спрыгнул с своего лежака. Он прямо босиком подошел к младшему лейтенанту и протянул руку для приветствия:

– Михаил Юрьевич, – представился он, – к сожалению, не Лермонтов.

Младший лейтенант зарделся красным на щеках и улыбнулся.

– Алексей, Алеша Голицын, – нерешительно произнес он и подал свою мягкую, почти детскую ладонь лейтенанту.

– А вы лошадок... того... вкушаете? – продолжал свой натиск Михаил.

– Они красивые, и глаза у них умные, – ответил Алеша и более решительно протянул ему руку.

Лейтенант руку пожал, нет, скорее, потрогал ее и отпустил, потом улыбнулся и пошел обратно к своему лежаку.

– А я вот и кошку могу, и собаку, и крысу, – весело сказал он, – мне все равно, я детдомовский, мы какую только гадость в детстве не жрали, даже лягушек и летучих мышей приходилось.

– Ты, Алексей Голицын, его не слушай, – со своего места выкрикнул капитан. – Мели, Емеля, твоя неделя! Ты лучше расскажи, как ты попал-то к нам? Как тебе бомбежка первая, не ссышь?!

Все трое находились в землянке-блиндаже для младшего офицерского состава. Стояла непроглядная ночь, но вражеская артиллерия вела непрерывный артобстрел их укрепленного района. И то тут, то там повсеместно рвались снаряды. Иногда казалось, что взрывы были где-то очень далеко, за несколько километров от их блиндажа. Иногда они ввинчивались в землю, как кроты-смертники в поисках живого человеческого мяса, совсем рядом, в нескольких мет-

рах. И тогда даже воздух сотряснулся в блиндаже. В такую секунду его обитатели просто закрывали глаза и готовились к смерти. И тут же в долю секунды снова возвращались к жизни и продолжали свой разговор как ни в чем не бывало.

– Попал я к вам по распределению, а бомбежек я не боюсь, мы же на войне! – ответил Алеша. Приценившись к угощению, смело плеснул себе в железную кружку из чайника и сделал глоток теплого несладкого чая.

– Ишь ты, какой смельчак, – весело пропел лейтенант и снова спрыгнул со своего лежака. Начал важно вышагивать вокруг стола. – Еще скажи, что ты смерти не боишься, что ты герой!

– Я не герой, – Алеша снял с плеча вещмешок и, расчехлив, достал краюху хлеба и ломоть соленого сала.

– Мать пресвятая богородица и все святые угодники! – воскликнул капитан и тоже поспешил ретироваться со своего наместа к столу. – Это же сало!

– Сало, ей-богу, оно, милое! – подтвердил лейтенант. – А знаете, за что я ненавижу сало?

– Это за что же?

– За то, что сала вечно мало, – продекламировал лейтенант и, достав перочинный нож из-под своей соломенной подушки, пристроился нарезать тоненькими ломтиками.

Сало было блестящим, немного желтоватым, с тонкими мясными прослойками вдоль. Запах по блиндажу разнесся молниеносно. Настоящий дух сала, с небольшим оттенком тмина и чеснока. Лейтенант так увлеченно трудился над куском, что можно было засмотреться.

– Не нарезка – искусство, да и только, – констатировал увиденное Алеша, и более спокойно и менее тщательно порезал хлеб на ломти, и раздал офицерам. – Угощайтесь, братушки.

– А ты впрямь начитался, наверное, про военное дело в институтах своих. Пороха не нюхал, жизни не знаешь, – набив полный рот угощением, проговорил лейтенант, – братушками нас кличешь. От мамкиного подола – прямо в ад. А может, мы плохие люди, не хорошие. А ты нас вот салыцем потчуеть.

– Не можете вы быть плохими людьми, – улыбаясь, ответил Алеша и аккуратно сунул в рот импровизированный бутерброд, сделанный им из кусочка хлеба и тоненького кусочка сала. Еду он брал аккуратно: двумя пальчиками и не соря крошками. И интеллигентно, не чавкая, постепенно пережевывал.

– Отчего же? – не понял его мысли капитан.

– Плохого человека, как гниль, всегда видно, – отвечал, улыбаясь Алеша.

Он теперь тщательнее рассмотрел лейтенанта. Тот, как представлялось, был почти его ровесником, правда, кожа была что на руках, что на лице загорелая и казалась жесткой и твердой, как брезент. Взгляд у него был резкий, как и все его движения. Косматая черная шевелюра придавала его портрету законченный, воинственный вид. Тем не менее усов он не носил, и щеки были гладко выбриты. В отличие от капитана, который был усат и небрит. Седые волосы, морщинистые руки и застиранная до дыр гимнастерка. Но глаза добрые и теплые, как у коровы.

В этот момент рвануло где-то совсем рядом. Земля с потолка посыпалась на стол, земляные стены зашатались.

– Когда у них уже снаряды закончатся, – зло проговорил лейтенант, отряхиваясь от земли, – твари безбожные, поесть не дают по-человечески. Если бы они знали, – он закрыл глаза и медленно процедил, смакуя каждую букву на языке, – какие у нас тут хорошие люди и какое у нас тут хорошее с-а-л-о!

Все трое рассмеялись.

– И все же, – вернулся к недосказанному капитан, – почему ты, Алексей Голицын, решил, что мы с лейтенантом хорошие люди?

– Ага, – замотал головой лейтенант, – может, мы душегубы какие или твари редкостные?!

– Придется рассказать вам про закат солнца вручную, – Алеша весело усмехнулся, чем, кажется, немного обидел лейтенанта.

– Что это еще за ерунда такая? – зло пробубнил он и снова набил рот угощением.

– Вы наверняка слышали про капитана Резлера, что служит на питомнике служебных собак в соседней части.

Оба удовлетворительно замахали головами.

– Насколько я осведомлен, капитан Резлер еще тот архаровец, – усмехнулся лейтенант.

– Дело было на пограничной заставе, – продолжил рассказывать Алеша. – У капитана Резлера была одна затея. Он отправлял солдата в город за отравой для крыс. При этом прекрасно был осведомлен, что в поселковой санэпидемстанции работает Любушка. И отправлял-то под вечер, чтобы без всяких шансов к возвращению.

Солдат приезжал на закате в нужное место, протягивал Любушке записку, где капитан на бесхитростном листке в клеточку просил приютить горемыку на ночь, а утром выдать ему килограмм перловой крупы, перемешанной с крысиным ядом.

Любушка улыбалась, лезла в погреб за самогоном и оставляла солдатику. И, само собой, у них было.

Капитан прекрасно знал, что так именно все и произойдет. А делал это не просто так, хотелось ему, чтобы солдат проникся, пропитался простым и бесхитростным человеческим счастьем. Настоящим... перед настоящим.

После ночного приключения солдат возвращался в расположение и радостно рапортовал, протягивая содержимое пакета капитану.

И тут-то и начиналось то самое настоящее, ради чего все и затевалось.

Капитан Резлер заводил в подсобку собаку, закрепленную за солдатом. Сажал собаку, ставил три табурета. На один садился сам, на второй сажал солдата, а на третий укладывал мешок с отравленной перловой крупой. И спрашивал:

– Как ты думаешь, я хороший человек?

– Конечно хороший, товарищ капитан, – бодро отвечал солдат, совершенно не понимая сути.

– Я вот тебя к Любушке на самогонку да в постельку отпустил, – улыбался капитан, медленно подводя к сути дела. – Значит, я хороший человек?

– Так точно, – все в том же веселом духе отвечал солдатик.

– Так вот, смотри теперь. Видишь этот яд? Я предлагаю тебе его сожрать. Если ты его не съешь, значит, его съем я. Ты считаешь, что я хороший человек, – и его взгляд стал мертвым и жестким. – И ты позволишь хорошему человеку съесть отраву?

– Н-неа, – нерешительно замычал солдат и почему-то заплакал.

– Есть, сынок, еще один вариант, третий, – и он подозвал пса и усадил его рядом с ногой. – Скорми эту дрянь ему, и разойдемся. Но! Я уйду из этой каптерки хорошим человеком, а ты дерьмом, которое угрбило своего лучшего друга и сослуживца – пса. Идет?!

Солдат теперь рыдал, как маленький мальчик.

– Давай решай, время дорого. Я ем, ты ешь, или ты собаку травишь?

– И что же? – с интересом спросил лейтенант.

– А все ведут себя по-разному, – отвечал Алеша, – одни начинают есть сами, другие скармливают псу. И только единицы заставляют капитана есть. В том же случае солдатик скормил отраву своему боевому другу. Вот только шутка в том, что Любаша подсовывала солдатику не ядовитую кашу, а просто подкрашенную синькой. Но у Резлера была с девушкой договоренность: если солдатик ее не удовлетворит, то яд в пакете должен быть настоящий. Что в пакете, знала только девушка. Резлер не знал. Хотя иногда и ел отраву. Капитан называл это «закат солнца вручную». Вот такая история.

– Это он типа так проверяет на вшивость, что ли? – спросил лейтенант. – И при чем тут хорошие люди?

– Ну вот вы мое сало едите, братишки, – отвечал, улыбаясь Алеша, – а может, оно отравленное?

– Но ты же сам жрешь с нами, – пожилой капитан выплюнул угощение на стол и с испугом посмотрел на лейтенанта.

– Ты что же это, сынок, удумал? – нервно спросил лейтенант и привстал из-за стола.

В этот момент где-то рядом снова шарахнул снаряд, и земля с потолка осыпалась им на головы.

Алексей отряхнулся от земли и полупшепотом произнес:

– Вот и выяснится теперь, хорошие вы люди или нет.

– Да что он там себе лопочет-то? – заорал свирепо лейтенант, он метнулся к Алеше и одним быстрым движением поднес к его горлу свой нож. – А ну говори, хороший человек, сало отравлено или ты придуливаешься?

– Говори, сынок, – взмолился капитан, – не то хуже будет.

– Я как-то думал о том, как устроен рай, – вдруг начал говорить младший лейтенант, – и знаете, он представлялся мне как зеленый луг вечного лета. Так вот, мы с вами после смерти преобразимся там мошками, мухами и стрекозами. Большого мы не достойны. Мы просто так мыслим и на таких уровнях пребываем с вами, дружочки мои. Подумайте только: стрекозами над лугом вечного лета. Козьянками в траве. Все!

– Что он несет, сука? – орал свирепо лейтенант, его нож глубже впился в шею и оставил алый след с кровоподтеком.

– А все потому, что мы здесь и сейчас уже те самые козявки. Мы с вами – стрекозы над поляной вечного лета. Хорошие вы мои люди, людишки, людишечки. Вы думаете, я сюда за смертью приехал, на фронт. Я сюда приехал, чтобы посмотреть на живых, добрых, настоящих людей. Когда человек понимает и принимает самые простые ценности в жизни – хлеб, вода, дружба, любовь, честь, – слетает, как с луковицы, лишняя шелуха, и душа освобождается. И нет места лжи и ненависти. Человек становится чистым, как перед господом на суде. Здесь не перед кем выпендриваться. Есть ты, жизнь и смерть. И все. Здесь свои, там чужие. А мы-то с вами кто?

В блиндаже повисла тишина. Казалось, даже зенитки прекратили на мгновение свой обстрел. Лейтенант убрал нож и побледнел. Капитан почесал затылок и полез за папиросами. Послышался тоненький свист, или писк. Как будто невидимый комар подлетал откуда-то с неба прямо к их укрытию.

– Кто, хорошие люди?! – сильно выкрикнул Алеша.

В эту секунду снаряд и влетел через земляной потолок прямо в блиндаж.

Блаженная глупость

- И что же, ее вот так запросто сожгли?
- Да, сир.
- И что она сказала на прощание?
- Сир, ей овладел нечистый, и она несла блаженную глупость.
- Конкретнее.
- Она говорила о... Я затрудняюсь повторить это, о мой господин.

Из разговора епископа Пьера Кошона с Кардиналом.

* * *

Любая мечта может окрылять. А мечта о вечном может даже сделать счастливым.

Мечтают о высоком, о несбыточном, о простом и утонченном. Жанна мечтала поскорей повзрослеть и выйти замуж. Замужество представлялось ей волшебством. Искрой немислимой надежды возгорался в маленькой душе отчаянный призыв к обретению счастья. Он обязательно должен был быть мельником, или столяром, или (ну это на крайний случай) обувщиком. Работать с утра до вечера, обеспечивая большую семью всем надлежащим. По выходным они бы ездили на городскую ярмарку за отрезами ткани. А на Пасху и Рождество посещали храм. Он обязательно должен был быть серьезным, а она – красавицей.

В свой день рождения Жанна мечтала о свадебном наряде для девочек. Она с завистью подсматривала за хористками в храме, когда их переодевали в костюмчики ангелочков. Они так походили на платье невесты. Жанна не могла оторвать от них своего любознательного взгляда. Голова была сплошь набита подобными пустяками, и поэтому, когда она споткнулась об эту странную палку, удивления не последовало.

Палку она подобрала и принесла домой, даже не подозревая, что данная вещь в корне изменит ее жизнь. В прах разрушит мечты. В пыль развеет желания.

* * *

– Как возможно о чем-то судить, если ты совершенно не сведущ в вопросах, о которых идет речь, – она сняла верхнюю одежду и укоризненно посмотрела ему в глаза.

В ветхом сарае было темно и сыро, и поэтому пришлось притащить сюда старую жестяную печь. Притаранить к ней что-то отдаленно напоминающее трубу и попытаться разжечь огонь. Так он и сделал, пытаясь показать ей на деле, что он все-таки мужчина и что в выборе она не ошиблась.

– Слушай, а как ты думаешь, мы правильно все с тобой делаем? – спокойно спросила она. Он огляделся по сторонам и посмотрел на нее.

– Думаю, – сказал он, снимая с себя рубашку – мы делаем так же, как и все.

Он откинул вещи в сторону и остался обнаженным и открытым перед ней. Огонь из печи светом и теплом слизывал истому с его тела.

– Ты так говоришь только потому, что так говорят и думают остальные, – Жанна теперь смотрела на него в упор, совершенно не моргая.

– А как мне нужно говорить или думать?

– Ты так говоришь и думаешь потому лишь, что так говорят и думают остальные, – повторилась она. – Любовь. Ты правда веришь в это? Знаешь, как приходит прозрение? В истинной любви друг к другу. А мы с тобой сейчас оголяем наши тела, и ты собираешься...

Она виновато посмотрела на его руки, на его грудь и ниже и заискивающе улыбнулась.

– А знаешь, что это значит – проснуться?

Он приблизился к ней и обнял.

– И что же это значит?

– Мы сидим в темной комнате совершенно одни. Ты позади, а я чуть выпячиваюсь вперед. Мы расположились на небольшом клетчатом диванчике. Мы смотрим в пустое окно, за которым идет дождь. И ты совершенно обыкновенно берешь меня на свои колени и прижимаешь к себе. И делаешь это сначала нежно, потом все сильнее и сильнее. И наконец ты так сильно прижимаешь мое хрупкое к своей груди, что ребра у меня ломаются, и весь мир падает к твоим ногам вместе с моим безжизненным телом. И в этот самый момент перед тобой как будто начинают елозить стиральной резинкой. Появляется такой звук, приближаются гром и молния... Это те, кто пробуждает тебя, скоблят маленькой стальной бритвой с той стороны стекла, пытаясь оттереть твой мир насквозь. Это выглядит очень странно. Перед тобой просто открывается окно в какой-то другой мир. Еще секунда, и тебе говорят оттуда: «Проснись!».

– И что же дальше?

– А дальше ты смотришь на всех остальных и, проснувшись, уже не понимаешь вообще ничего. Кто ты? Мужчина или женщина? Растение или животное? Свой или чужой? Ты берешь эту чертову палку и делаешь все, все что сказали тебе они.

– Beata stultica, – сказал он. – Блаженная глупость. И не палку, а меч. Это же меч?

– Меч, – она повторила это странное для нее слово и обняла его обнаженное тело. Стало так тихо и безмятежно. Она сразу вспомнила свое детство. Мечты о свадьбе, ангелочков в храме на праздники.

– Мне говорили, что ты странная, – сказал он и полез целоваться.

Она отстранила его и серьезно произнесла:

– Все только и делают, что называют меня Орлеанской девой. Я устала слушать их. Сегодня мы должны исправить это недоразумение. И они перестанут оттирать стекло и разговаривать со мной перестанут. Ты понимаешь?

– Так как это все-таки происходит? Я имею в виду общение с ангелами, – он аккуратно прикрыл ее наготу пледом и присел у огня.

– Ангелы! Просто летающие люди, – нервно огрызнулась она. – А эти приходят и учат жить. Точно зная, что хотят найти у меня внутри. В последний раз сказали: «Дело в том, что те, кто все понял, уже давно в других мирах познают и преодолевают другие экзамены. А мы все рождаемся и рождаемся здесь, на Земле. И проблемы у нас одни и те же, и ходим мы все по краю своего ящика, и жизнь за жизнью тратим только на это. Учимся... Думающий человек не безнадёжен. Но это не про нас».

– О чем они? – он посмотрел на нее и улыбнулся. – Расскажи подробнее.

* * *

Нина и Олег вместе не жили. Не хотелось ей. Да, скорее всего, ей. Ему бы дать волю – давно залез бы ей под юбку. Брюки она не носила принципиально. Где-то прочитала о том, что юбка сохраняет женскую энергетику. Где-то в блогах или у друзей «ВКонтакте». Учеба в университете закончилась досрочно. Так вышло, увлеклась им. Точнее, его рэпом. А он плевать хотел на мир, в котором живет. Наркотики, пьянки до утра. Университет не вписывался в этот реестр. Родителям приходилось лгать. Заискивающе улыбаться по «Скайпу», придумывать разные новости из несуществующей жизни. На вопрос о кругах под глазами отнекиваться

и ссылаться на ночные зубрежки. А на самом деле... Интернет весь день, гуляния всю ночь. Никаких планов на жизнь, никакой жизни без «плана».

Удивительно, как она во всем этом говне оставалась девочкой. Ей нравилось это состояние. Она не так представляла себе свой первый раз. В своем далеком детстве она мечтала выйти замуж. Он, конечно, продвинутый бизнесмен, она, конечно же, красавица. И вот он, их первый раз. Не в луже собственной несостоятельности, не на хате у друга и не с ним. Да, он классно читал, тексты такие проникновенные. Опиум сушил нервы, алкоголь усыплял бдительность. Но она всегда держала себя в руках. Всегда.

В этот вечер ничего не хотелось. Голова болела. Он звонил не переставая. Она поставила телефон на «вибро» и молча наблюдала, как он кружит по полировке стола, как маленькая игрушечная машинка, управляемая неведомым божеством. У нее была своя тайна, связанная с мужчинами. Она хорошо помнила ее и сейчас. В детстве, когда ей было десять, она разделась и легла рядом с братом отца. После вечерних посиделок тот остался у них в гостях и уставший завалился прямо на диване в гостиной. Взяла его тяжелую руку, положила на свою маленькую грудь и повернулась к нему спиной. Тогда она не спала всю ночь, представляя себя невестой. А его – своим мужем. И ей хотелось тогда именно так. Чтобы была светлая забота, без насилия и глупостей. Это было ее первое переживание, связанное с мужчинами. Это была ее первая и настоящая любовь. Он даже рядом не стоял с тем мужчиной за ее спиной в детстве. И зачем тогда он ей нужен?

Она щелкнула мышкой и зашла в свой новый блог в «Живом журнале». Открыла его недавно. Идея была такой: общение между сознательно хранящими себя для настоящей любви девочками. Общение шло вяло. Мало их было, сознательно хранящих...

Но одна девочка постоянно общалась с ней очень активно. Точнее, она любила слушать ее исповеди и спрашивать, что ей делать.

Нина вошла на свою страницу и тут же нашла сообщение от нее:

«Все только и делают, что называют меня Орлеанской девой. Я устала слушать их. Сегодня мы должны исправить это недоразумение. И они перестанут оттирать стекло и разговаривать со мной перестанут. Ты понимаешь?».

«Не говори ерунды, – ответила ей Нина, – я же не просто оттираю твое стекло. Я точно знаю, что нужно. Это правда нужно. Как ты там рассказывала про свою находку, про меч? Это же был меч?».

«Да, это именно меч!» – высветился ответ девочки.

«А ты не думала, что все, что мы находим – это как будто знак свыше, возможно, ты не просто так нашла его? Ты не думала о...».

«Я в сарае, со мной мальчик из монастыря, и сегодня мы исправим эту дурацкую ошибку. А меч я выброшу», – появилось на экране.

«Лучше возьми этот самый меч и отруби ему все то, с чем он полезет к тебе», – отстучала Нина и потом еще добавила: «Я бы на твоём месте взяла меч и убивала всех, кто встретится на моем пути. Всех, кроме короля. А если короля нет, сделай первого встречного подобным. Что думаешь?».

«Я прогнала его, – отвечала Жанна, – что дальше делать?».

Вдруг Нина почувствовала небывалый прилив сил. Ответственность за чужую жизнь, судьбу. Она даже представила себя богиней. Телефон не переставал вибрировать, но она уже не обращала на это внимания.

«Заешь, жизнь дается нам как урок. Дело в том, что те, кто все понял, уже давно в других мирах познают и преодолевают другие экзамены. А мы все рождаемся и рождаемся здесь, на Земле. И проблемы у нас одни и те же, и ходим мы все по краю своего ящика, и жизнь за жизнью тратим только на это.

Учимся...

Думающий человек не безнадежен. Но это не про нас.
Возьми меч и иди.
Иди...

И помни всегда: любая мечта может окрылять. А мечта о вечном может даже сделать счастливым».

* * *

Жанна отпихнула от себя его и зло сказала:

– Уходи, видишь, ангелы не хотят твоего присутствия.

– Я ничего такого и не хотел, – извиняясь, пролепетал он и начал одеваться, – сама меня притащила сюда.

– Как притащила, так и провожу, – огрызнулась Жанна и взглядом начала искать свой меч.

– Не больно-то и хотелось.

– Слушай! – вдруг вскрикнула она. – Где можно в скорое время достать латы и коня? Мне нужно срочно скакать к королю.

– Дурочка, у нас уже давно нет короля, – усмехнулся он, – страной правит дофин. Или англичане, я еще не разобрался. Война же идет.

– Значит, я сделаю его королем, – уверенно произнесла Жанна.

– Когда будешь гореть за свой бред на костре, не вини во всем мужчин, – бросил через плечо он и ушел.

* * *

Нина наконец взяла трубку и быстро распрощалась с настойчивым рэпером. И зачем он был ей нужен? Она еще немного посидела у экрана и наконец пошла в душ. Вода приятно ласкала ее тело. Как никто и никогда. Потом она немного почитала и уснула прямо с книгой на груди.

Ей приснилась Жанна. Она, одетая в кольчугу с длинным мечом наперевес, стояла у привязного столба со сложенными у его подножия поленьями. Взгляд ее источал гордость и славу всего женского, что в ней было. Священник подошел к ней и попытался отобрать оружие.

– Вам это вряд ли пригодится, милейшая, – с иронией в голосе произнес он и, наклонившись, прошептал ей тихонько на ушко: – Надо было дать мне тогда, в старом сарае, а не искать приключений на свою...

– Что дальше, что же дальше? – неустанно шептала Жанна и постоянно смотрела на свой меч.

«Да пошли ты их всех», – весело посоветовала ей Нина.

Жанна улыбнулась и отдала меч одному из офицеров.

– Ангелы говорят, чтобы вы все пошли куда подальше, – произнесла она и с уверенностью поднялась к столбу.

Он аккуратно привязал ее хрупкое тело и проверил надежность узла на связанных сзади руках.

– Есть что сказать? – спросил он и снова по-дурацки улыбнулся.

– Я мечтаю... – ответила Нина, но тут же остановилась.

Вся жизнь пронеслась перед ее глазами. Она вдруг осознала, что именно сейчас должна сказать что-то очень главное и понятное всем им. Но в то же время очень простое и доходчивое, емкое и правильное. Именно правильное. О том, как бы она захотела прожить, если бы не эти дурацкие предрассудки. Про настоящее, по-настоящему нужное ей. О том, чего она так хотела

и о чем искренне грезила в детских мечтах и в то время, когда впервые почувствовала себя взрослой девочкой. Она набрала воздуха и начала говорить:

– Молчи. Просто помолчи немного. Это для меня. Быть в таком состоянии – это не одиночество. Одиночество – это когда ты сам себя не слышишь. Когда ты не видишь простоты окружающего тебя мира. Когда ты видишь вокруг хаос и пустоту. Мир не терпит пустоты. И пустота эта только твоя. Пускай он скажет тебе. Я буду любить тебя вечно.

Держать твою руку, проводя пальчиком по мякишу выступающих бугорков. Путешествовать и путаться в линиях. Я покажу тебе мой мир из кухни. Из нашего чумазого окна, где с определенной нескромностью, с постоянством и упорством смотрит на нас дурацкий термометр. Вечно показывающий зиму, непогоду, слякоть. Трудно бывает вот так смотреть дальше него. Перегрузить свой взгляд вдаль. Рассмотреть там людей, листву, ветер, солнце, воздух. Вытащу занозу из мякоти твоего моторчика. Пусть будет больно, но я найду силы и выверну ее с корнем. И моторчик заплачет. Ты удивишься, что он у тебя не просто есть, а он живой. И он плачет. И такая вода течет из его нутра, редкая вода. Такая водится в тех заграничных морях, где вволю резвятся мокрые дельфины, полируя свои бока в стремительной волне. Витиеватые медузы с бесконечными своими хвостами. Томные и могучие скаты, парящие над безднами, знающие цену силе и милосердию. Не знающие усталости и страха, понимающие все синие киты. Игривые морские коньки и взбалмошные, веселые рыбы.

Ты приготовишь мне яичницу. Поставишь на стол, положишь вилочку, нож, кусочек хлебушка. И мы будем смотреть в наше окно. И яичница остынет, и все проходящие мимо будут завидовать нам. Потому что от нашего окна в мир просачивается простота, отравляя всю окрестность ядовитым соблазном. Запросто прийти домой, захотеть поговорить о простых вещах, что-то переосмыслить и посмотреть на привычные вещи немного по-другому. На тех, что живут рядом. И удивиться, поняв одно единственное, непостижимое доселе. Что те, кто рядом, запросто могут оказаться людьми.

И тогда можно сказать тысячи ненужных и нужных слов. Можно полить цветы, полить все клумбы у дома. Полить весь город. Полить и отмыть все и вся от грязи. Но, понимая, что все так, именно так, как и должно быть, начинаешь опускать руки. А как же детская мечта? Те не пресные мгновения, когда ты точно был уверен. Дай только время подрасти. Эх, немного бы только подрасти. И...

Я отмою этот город от грязи. Я насажу разные цветы. Пусть они будут красные, розовые, желтые, зеленые, синие. Только пусть они будут. И я стану врачом, очень надежным и хорошим врачом. Всех вылечу и всем помогу. И все это днем. А ночью я буду поливать свои цветы. И люди, проснувшись поутру, несмело улыбнутся друг другу. Город впитает в себя аромат моих цветов. И люди перестанут грустить, и им не захочется больше болеть. Не захочется болеть, грустить, печалиться и стареть. Стареть и умирать.

И кораблики. Все наши в детстве выстроенные кораблики станут большими и реальными. И встанут на капитанском мостике те, кто стоял в своих детских иллюзиях смело, не морщась от соленого бриза. И небо разрежут бумажные самолетики. Те, что сделаны неумелыми ручонками на скучных уроках во втором классе. И девочки заплетут свои косы, и мальчики обнажат свои сабли. И мы станем настоящими, теми, кем пришли сюда. Мальчиками и девочками с бумажным листком в клетку в руках, лепящими из него свою реальную жизнь.

Я же – как маленький луноход. Ранее очень нужный, почти незаменимый. Со слезами на глазах вспоминаются те незабываемые моменты, когда сотня людей с придыханием, сжав до боли кулаки, наблюдали за моей деятельностью в огромные телескопы. Терпеливо ждали от меня первых шагов по поверхности этой пыльной холодной глыбы. А я... я смотрел в их сторону, улыбался и шел. Разрыхляя своей гусеницей вековую непостижимость. Я видел огромную голубую планету над головой. Я знал, что я нужен там. На этой голубой планете нет ни

одного существа, не знающего о моем одиноком существовании. Я нужен им, я незаменим, я есть.

Теперь же обшивка моя местами прохудилась, солнце нещадно выжгло мне световую панель, и почти не осталось зарядки в моей потрепанной лунным ветром батарее. Но я все же еще жив. Я выполняю программу. Я жду, каждый вечер упорно смотря в сторону огромной голубой планеты. В надежде на то, что какой-нибудь маленький мальчик совершенно случайно посмотрит в мою сторону, воспользовавшись своим телескопом. И огорченно скажет своим родителям: «Что же он там... один?!».

И они побегут, они напишут во все газеты. И сотня людей обратят свои взоры в мою сторону. И пошлют мне сигнал: «Ты нужен, луноход, ты нам нужен!!!».

И я соберу весь оставшийся заряд, распрямлю гусеницы, стряхну с корпуса усталую лунную пыльцу. И с одной только мыслью, что я нужен этой огромной голубой планете, буду умирать.

И...

Если нет у нас нашего окна. Нашей детской мечты.

То не пора ли валить с этой планеты.

Все вытравит лунный ветер. Памяти о нас не останется. Как это случится? Или же случается уже сейчас? Вряд ли кто ответит на все эти такие глупые вопросы. И все, что было, и все, что будет, никто уже не вспомнит. Никто не запишет и не прочтет. Время сожрет все воспоминания, как ненужные. И что же тогда нужно этой огромной голубой планете? Зачем она парит сотню миллионов лет, обдуваемая космическими ветрами и соседствующая с черными дырами? Если ей совсем не нужен маленький луноход и простая человеческая забота. *Beata stultica.*

А пока...

Просто помолчи...

– Поджигай, – спокойно скомандовал он и вытер слезы.

«Для меня помолчи», – подумала Нина, и первый дым дотронулся ее глаз и заставил прослезиться.

Улитка

– Я нашел тебя, улитка, – мальчик орал, стоя на открытой, залитой солнцем и зеленью летней утренней поляне. Перед тем, как он увидел ее, он пристально и внимательно наблюдал за мурашками: те бегали, постоянно встречаясь и расставаясь, махая друг другу усиками, что-то носили и куда-то неслись.

«Если понаблюдать за людьми с высоты, – подумалось мальчику, – сложится впечатление, что все их передвижения бессмысленны, как и жизни, как и все их существование. Ведь зачем-то они созданы, эти мурашки? Для чего-то они и куда-то ползут? Для кого-то они есть?».

Потом наблюдал за вертявыми стрекозами. Они резво делали полные обороты вокруг собственной оси над прохладой утреннего пруда. Вспархивали высоко в небо и резко падали к самой воде. Шелестели крыльями, как школьники гербариями на уроке по природоведению.

«Мама еще спит, – подумалось тогда мальчику, – а эти уже не по одному кругу нарежали. Почему люди не встают вместе с солнцем? Каждая травинка просыпается, радуясь его свету. Каждая букашка. А мама занавешивает окна толстыми шторами. Почему так?».

Следил за путешествием толстого и неповоротливого жука-плавунца. Тот вальяжно пробороздил прибрежный ил брюшком, и без подготовки вошел в воду, и стал стремительным, как маленькая рыбка.

«Сколько он проживет? – подумал мальчик. – Интересно, сколько жуки вообще живут? Может, это долгих сто лет. А может, это один день. Но день этот полон жизни и забот. Но день этот полон счастья».

И наконец увидел ее... Улитку!

Небо простерлось над ним голубым головкружительным куполом. По траве изморосью прошелся утренний налет росы. Крупные капли, как грозди, свисали с кончиков остроконечных листьев. Одуванчики своими воздушными головами ласково махали, приветствуя гостя. Казалось, проводи ладонью – и все разрушится, краски, как на палитре, перемешаются, и мир исчезнет в том виде, как мы его знаем. Но она упорно ползла к какой-то своей, понятной только ей цели, его улитка, только его улитка.

* * *

Столько было вопросов в этой детской голове, как в картонной полый трубке, полной стекляшек. Никчемная вещица, покуда не начнешь вертеть, глядя на солнечный свет: весь мир сразу превращается в калейдоскоп. Так и вопросы, на которые должны найтись ответы:

– Почему мама? Зачем любовь? Для чего мы все?

– Ты такой маленький, – кряхтя и ежась на солнышке, отвечал старик мальчику, – а у тебя уже столько самых нужных для человека вопросов!

– А разве есть ненужные вопросы? – удивленно спрашивал мальчик.

– Еще сколько! – старик одобрительно мотал головой и улыбался. – А еще, – добавил он, – есть множество неправильных ответов.

– Кто же даст правильные? – мальчуган и не собирался сдаваться.

– Найди свою улитку и расскажи ей все, что пожелаешь, – такой дал совет старый Морт. Пойди на утренний зеленый луг и отыщи ее.

* * *

Это в юности хочется подольше поспать, а старик Морт просыпался до восхода солнца. Выползал не хуже той улитки на завалинку и, кряхтя, пристраивал свои старые кости. Сейчас, еще совсем немного, еще одно мгновение, и оно выползет лениво из-за пригорка. Потом немного посмотрит по сторонам и весело начнет свой подъем.

Так он рассуждал о солнце. Что же касается улитки, Морт свою нашел еще на войне.

Когда лежал в разбомбленном окопе и точно знал, что сегодня умрет. Слезы текли по небритым щекам, и тело трясло, как в лихорадке. А тут она, ползет мимо него вся такая спокойная и безмятежная, еле-еле покачивая своим домиком. Так женщины качают всем, что ниже пояса, в такт самой природе, в унисон со Вселенной.

Ему вдруг стало спокойно, и он даже улыбнулся ей:

– Знаешь, улитка, – сказал тогда солдат Морт, – я сегодня умру, и нет никаких шансов остаться в живых. Но если вдруг этого не произойдет, я хочу, чтобы ты донесла об этом весточку моим родным, моей мамочке. Я знаю, что ты будешь идти очень медленно. Но я уверен, что именно ты дойдешь.

Потом взорвалась бомба, прямо у правого уха. Ухнуло так, будто кто-то небесный ударил в свой серебряный гонг и выключил свет.

Морт пребывал в каком-то странном сне. Ему снилась мама, она гладила его по голове и тихо повторяла:

– Я не пушу тебя на эту чертову войну, не пушу, не пушу, не пушу...

– Что же мне теперь, спрятаться в подполье и сидеть там?! Как кошка, которая без спросу принесла выводок котят: и кушать ей хочется, и выйти она боится?

– Я не пушу, не пушу, не пушу, не пушу...

– Мама, – он посмотрел тогда на нее с любовью, взяв ее теплую ладонь в свои окрепшие руки, – я правда не хочу идти и убивать, но мне говорят, что так нужно. По радио каждый день только об этом и твердят.

– Я же всю жизнь только для тебя, маленький мой, – шептала мама и пропадала, удаляясь в маленькую точку...

А потом нарастающий гул, как будто миллион пчел летело к нему навстречу, или это очередная бомба неслась к земле в ожидании объятий. В предвкушении жертвы.

«А ведь ее тоже делали люди», – промелькнула коротенькая мысль и снова угасла, свернувшись в такую маленькую точку, что совершенно невозможно увидеть ее или нащупать.

Потом снова он услышал голос мамы и другие голоса...

* * *

– Зачем? Все для него? – глупо спрашивали ее.

– А как же? – оторопев, отвечала женщина. – Он же...

– Да вырастет – и видали его.

А он вышел рано утром и больше не вернулся. Она спросила у старых людей, где искать. И пошла...

Она прошла очень много. Шла так долго, что, казалось, пролетела целая жизнь. Любые встречные мерно кивали ей головами, поили холодной водой, давали краюшку хлеба. Она ласково заворачивала его в платочек, благодарила и обещала съесть ближе к вечеру, обязательно съесть. Позже скормливала его у околицы голодным придорожным птицам. Мелко раскрашивала, молилась и кормила.

Обувь совсем износилась и была выброшена ею за ненадобностью. Так и шла босиком. Волосы, уже порядком поседевшие от времени, спутались. Фигура осунулась, кожа потемнела и от ветра и дождей стала грубой и невосприимчивой к трудностям нелегкого пути. Иногда ей казалось, что она больше и шагу ступить не сможет. Такая на нее снисходила усталость смертельная. И, смешиваясь с тоской и отчаянием, убивало самое главное – то, что еще давало ей сил, чтобы вставать и идти.

Идти зимой, когда она замерзала в степи, беспощадной к одинокому случайному путнику, ночному гостю, легко одетому и голодному. Леденящий холод мягко убаюкивал ее разум. Просил остановиться, успокоиться, уснуть. Прилечь у пушистого сугроба и впустить в себя смерть. Единственную подругу, идущую позади и не отстающую ни на секунду.

Идти весной, когда природа оживает, каждая букашка радуется жизни. И нет никому дела до спокойно и мерно бредущей женщины. В старых одеждах, с серостью и пустотой в глазах. И все ожившее в этом мире весело рассмеялось бы в эти глаза и разом рухнуло в бездну, если бы узнали ее путь. И так хотелось присесть на траву эту зеленую, посмотреть на небо это голубое. На людей этих смеющихся. И остановиться. Но она опять шла.

Шла летом. Когда пыль клубилась вдоль ее пути, когда ливень хлестал ее по щекам, когда жгучее любящее солнце выжигало из нее последнюю веру. В то, что она когда-нибудь да дойдет. Никто не доходил, а она дойдет.

Шла осенью, собирая на ночную подстилку опавших листьев, закутываясь в них, как в теплое стеганое одеяло, пошитое когда-то мамой. И уходила так глубоко в себя, что даже сон не решался потревожить ее усталый разум. Так и спала, без снов.

Так она прошла очень много. И наконец дошла до великой реки. Плавала она плохо, но выбора не было. Помолилась и, аккуратно войдя в студеную воду, поплыла. Сильная она была, плыла долго, почти так же долго, как и шла. И вот, когда казалось, что уже все и силы начали оставлять ее, она нащупала ногами илистое дно. Выползла на глинистый берег и, изнемогая, упала без сил.

– Помогай мне, господи, – тихонько шептала она самой же себе. А затем собрала последний свой запас воли и поднялась. Поднялась и пошла. Но, сделав несколько шагов, поняла, что идти больше не нужно. То, к чему она так долго стремилась, было перед ней.

Он сидел тихо, с закрытыми глазами, будто спал. Или дремал после ночного покоса. Весь в белом, такой, каким она и запомнила его. Она подошла поближе и присела у его ног. Морщинистыми усталыми руками погладила их, и он сразу открыл глаза.

– Мама, – испуганно вскрикнул он, – что ты тут делаешь?

– Что же ты, сынок, – спокойно произнесла она, – не бойся меня, я же мама твоя. Мамочка.

– Тебя не должно быть здесь, – противился мальчик, – мне сказали, что не должно!

– Что же ты ушел, сынок, не попрощался. Разве так делается? Не вырос, матушке своей в поле не помог. Невесту в дом не привел.

– Мне нечем любить, мама, – тихо прошептал мальчик и заплакал, – у меня сердце не бьется.

– Я знаю, сыночек, – проговорила женщина, и впервые за долгие годы слезы потекли по ее сухим и обветренным щекам.

– Мне сказали, мама, что такие, как я, в рай не попадают. Это что, правда? Я правда не увижу...

– Мальчик мой, – перебила его мама, – я пришла за тобой, я отведу тебя домой. Там хорошо, там изба протоплена, подушечка твоя взбита, молочко подогреем и будем, как прежде... Только вот ты уже на войну не бегай. Туда... где...

– Хорошо, мама, только вряд ли я смогу с тобой пойти.

– Отчего же нет, сыночек? Мама же пришла за тобой, пойдем, сынок, домой, пойдем! Пойдем домой, сыночек. Кровиночка моя, белобрысенький постреленок, а мама покормит тебя. А потом на рынок поедem, как раньше, отрезов новых купим, рубашек пошьем. Цветастых, пестрых, атласных. Петушков купим, сладеньких...

– Я не могу, мама. Я умер. Разве ты забыла про это? Я умер, мама...

И слова эти эхом взвизгнули по всей округе.

Но она поднялась на ноги, взяла своего мальчика на руки и пошла. И идти ей надо было очень долго. И она знала это. Помнила каждый свой пройденный шаг. Каждый глоток воды. Каждое новое утро. Каждое слово в молитве. Сил уже не было. Совсем не осталось сил. Но она шла. Улыбалась и шла. А он все твердил и твердил:

– Я умер, мама, я умер...

– Я знаю, – шептала женщина, – знаю, сыночек.

И шла. Теперь уже все равно куда. Потому что дошла, потому что смогла. Туда, где никто раньше не был и откуда никто не возвращался. А если и возвращался, то молчал. Шла, скромно улыбаясь, зная, что дойти можно. Что иначе и жить незачем.

Если не за ним.

Если не для него.

Мир снова развернулся, как улитка, и Морт увидел ее, безмятежную и спокойную. Она грациозно плелась, неся весть о его жизни как о чем-то свершившемся, о чем-то светлом, надежном и стойком, как сам мир. Ее не пугала война, она не страшилась взрывов, бомб и пуль. Она – вестник жизни, маленькая улитка. Она – гонец, знающий правильные ответы на нужные вопросы.

Невероятно необыкновенные бутерброды

Щенка он забрал с улицы. Захотелось о ком-то заботиться. Человеку вообще свойственна система противоположностей. От добра на земле добра не ищут, скорее наоборот. Может, оттого он и захотел так, что о нем никто и никогда не заботился. Не гладил его по голове, не верил, не ждал, не любил.

Тяжело было ходить: левая нога почти не сгибалась в колене и очень сильно болела. Болели пальцы, ногти, кости, кожа. Казалось, что ногу легче отрезать и выбросить в придорожную канаву.

Когда-то в прошлой жизни, когда он еще был нужен, молод, по-детски беспечен, его нога попала в жернова сенокосилки. Тогда врачи сказали, что и на самом деле лучше отрезать и выкинуть в канаву. Эти слова так укоренились в детской памяти, что остались звучать на всю жизнь. Слова даже сильнее ранили, чем уродливая и болящая нога. Все тогда поставили на нем крест, все, кроме бабки. Она ночами брала большой и плохо пахнувший кусок дегтярного мыла и что-то шептала себе под нос. Мылом она водила вдоль ноги. Зажигая при этом свечи у икон и постоянно крестясь и кланяясь.

Бабка тогда отмолила его ногу, но забыла про душу. Или бог про него забыл, оставил подыхать на улице. Или кто-то не совсем умный, кто придумал все то, что каждый день окружало. А окружали: вокзал, бомжи, воры, привокзальные проститутки и малолетняя шпана. Проезжающие с укором смотрели, некоторые цыкали языками, как змеи, и брезгливо плевали. Некоторые совсем не стеснялись в выражениях:

– Развелось вас тварей! Сталина на вас нет!

Детство кончилось в тот самый день, когда ногу перемололо в этой чертовой машине. И всё, как будто красной линией очертили одну жизнь от другой. Вот она, беззаботность и беспечность: купание на зорьке, рыбалка с пацанами, школа и девочка Маша, что так красуется в своем клетчатом сарафане, чуть скрывающем острые коленочки. И вот боль, и уродство, и ненужность, и бремя, и ненависть.

Все в деревне дразнили хромой ножкой.

Вот он в город и подался, друг позвал к себе. Друг не встретил, то ли забыл, то ли не было у него друга. Остался на вокзале, здесь приютили местные бомжи. Накормили серым хлебом и ливерной колбасой с душиком, дали папироску.

Тогда он впервые и закурил. Ту ночь он запомнил на всю жизнь. Впервые он встретил людей, которым он был нужен. Они совсем не спрашивали его о его уродстве, ему даже казалось, что они носят какие-то волшебные фильтры на глазах, с помощью которых не видят в людях плохого, некондиционного. Они делились с ним последним, всем, что было. Утром уходили на «охоту», а вечерами пировали добытым.

Если удавалось напрошайничать живых денег, покупали дешевого порошкового вина и устраивали пир на весь мир. Но настоящий праздник случался, когда кто-нибудь приносил настоящих бутербродов. Особенно он любил с сыром или рыбой.

«Видимо, судьба», – подумал он и остался. Так и жил, вот только щенка он забрал с улицы. Захотелось о ком-то заботиться. С собакой можно было и поговорить, она понимала все, только молчала, смотря преданными глазами и виляя хвостом. Честно виляла, без притворства и лжи. И любила честно.

С утра удалось раздобыть салат оливье в целлофановом пакете. Видимо, остался после новогодних торжеств. Собака очень аппетитно чавкала майонезным блюдом. Он сидел и наблюдал.

Потом пошел пройтись, ковыляя потихонечку по привокзальному поселку. Собаку вел на короткой веревочке.

Эти две девчонки выскочили из-за угла как умалишенные. О чем-то оживленно споря, они вдруг остановились как вкопанные. «На вид лет двенадцать», – подумал он и поковылял дальше.

Вдруг одна из девочек толкнула его и, схватив веревочку, поволокла собаку за собой. Они стали быстро и безнадежно удаляться, весело галдя.

– Ты зачем собаку забираешь? – крикнул он, пытаясь встать из канавы, в которую упал. Отряхиваясь, он попробовал догнать похитительниц, но чертова нога... Оставить бы ее в этой проклятой канаве.

– Стой, стой, стервь, – орал он сквозь слезы. – Зачем она тебе, зачем собаку забираешь? Девочки перешли на бег и, смеясь, скрылись за углом.

Слезы текли сами собой, не прекращаясь. За долгие месяцы дружбы он сильно привязался к псу. Он так теперь был зол и раздосадован этим поступком девчонок, что от обиды сводило скулы. Весь вечер он плутал по окрестностям поселка, постоянно зазывая своего друга или пытаясь встретить похитительниц. Все было тщетно. Уже ночью, придя в свое убежище, выпил дешевого вина и поделился горем с друзьями. Те посочувствовали.

Потом аккуратно укутался в тряпки и попробовал уснуть. Сны в последнее время снились дурацкие.

А после случившегося еще дурнее стали сниться...

* * *

– Вводная ясна, – устало произнес Марк и потянулся за очередным бутербродом. Придуманный и набранный им текст торчал в пишущей машинке.

– Скучно выйдет, предсказуемо, – попытался поспорить Петр, но тут же сделал непосредственный взгляд для смягчения произносимых слов.

– Много ты вообще понимаешь в играх, – раздосадованно прошипел Марк и проглотил бутерброд одним махом. Медленно пережевывая, он пристально смотрел на своего коллегу, сидевшего напротив в уютном кожаном кресле, пившего уже порядком остывший кофе. Руки он по привычке держал так, как будто обнимает кружку и пытается сохранить тепло подольше. И еще он постоянно молчал и что-то про всех думал плохое. Так теперь казалось Марку. Наверняка только казалось.

– А какие условия? Может, превратим эту игру в фарс? Ну, добавим дурацкие предметы, интересное месторасположение, – Петр оживился и тоже потянулся к блюду с лакомством, предпочитая с сыром, зеленью или рыбой. С рыбой готовили чаще всего: заведующая столовой при лаборатории вообще, была бы ее воля, все готовила бы из рыбы.

– Предлагаю сарай и вилы. Вилы – это такой земной инструмент, с помощью которого...

– Что? Ты мне будешь объяснять, что такое вилы? – Марк нагло посмотрел ему в глаза и усмехнулся. – Когда я программы для игр писал, ты еще под стол пешком топал, сынок.

– Сам ты сынок, – обиженно пробубнил Петр, тихо пережевывая сыр с хлебом. – Тоже мне, гений иллюзорного пространства!

– Через десять минут он уже на свет вылупится, а у нас с тобой еще его вводная в машинке. Опять по твоей милости ерунда какая выйдет. Давай-ка напрягай мозг. Это же судьба человека. Ее нужно быстренько написать и скинуть в плановый отдел – и на корпоратив. Сегодня Артемида Герасимовна проставляется. Ее Зевс назначил управляющей отделом прикладных искусств.

Петр поморщился. «Интересно, кто первым в институте стал называть Владимира Владимировича Зевсом?» – подумалось ему. Лично Петруэту эта мысль претила. Он вообще еще со школы негативно относился к всякого рода кличкам. Непосредственного начальника обзывать ему хотелось менее всего.

– Ладно, ближе к делу, – Марк отставил тарелку и подсел к нему поближе. – Суть заключается в следующем. В этот раз у нас с тобой интересенький случай. В путешествие отправляется первый зам самого Зевса. Земля (отчасти, правда) – и его придумка. Аттракцион не для слабонервных. Я лично один раз рождался на Земле, правда, проплатить пришлось порядочную сумму. Но ощущение, я тебе скажу, просто улет. Мы тут с тобой сидим и пишем программы для путешественников, а они там потом рождаются в кожаных мешках с костями. Кажется, это называется тело?! Так вот, иллюзия настолько закрывает память при переходе в ту реальность, что напрочь перестаешь помнить что-то из этой жизни. Я раньше действительно считал, что это одна из уловок наших программистов-вундеркиндов. Но когда переродился сам, сразу включился в земную жизнь.

– И что, совсем ничегошеньки и не помнишь? – удивленно проговорил Петр и перестал жевать. – Совсем-совсем?

– Я сейчас тебе это не для того говорю, чтобы ты стебался надо мной, – ответил Марк, – я говорю это для того, чтобы ты зашевелил мозгом и помог дописать план его путешествия в земную жизнь. И времени у нас с тобой осталось считанные минуты.

Петр сосредоточился и закрыл глаза.

– Предлагаю такую концепцию, – смело начал он, – вся жизнь крутится вокруг фразы: «Легче отрезать и выбросить в придорожную канаву». Эта фраза вполне концептуальна для одной жизни. Можно поделить на отрезки по годам и к каждому подобрать поведенческий маркер с отрисовкой данной фразы. К примеру...

– К примеру, – перебил его Марк, – в детстве он попадает в сенокосилку, потом к бомжам, а потом?

– Не перебивай меня, разве не видишь, что я в творческом облаке пребываю. Детство у нашего путешественника – лучше бы отрезать и выбросить в канаву, юность не лучше, да и зрелость на помойке не слаще. Так вот, далее мы привяжем к этому концепту твою подбранную собаку, ну и для пафоса и форса – вилы и сарай. Как тебе моя версия?

– Гений, – Марк встал и демонстративно захлопал в ладоши, – просто отец-кормилец, куда бы мы без тебя-то? Я же сказал, что отдыхать едет сам заместитель, сам! И жизнь его должна нести максимальные страдания. Трэш, угар и содомия. Понял?

Петр покраснел от стыда и замолчал.

– Опять все самому приходится творить, – раздосадованно прошипел Марк и уселся за печатную машинку. – Если бы ты хотя бы раз прописал настоящее унижение или разочарование в людях. Беду в человеческих отношениях, удобрение в судьбе. По-честному прописал на бумаге. Так, чтобы можно было прожить, пережить, а не в лужу пернуть. Верить должны не мы, верить должен он, тот, кто будет в нашем с тобою придуманном дерьме вариться. Так что учись, сынок, пока папа в силе!

* * *

Он проснулся. Сон и правда сегодня был чудной. Причем эти два невозможных индивида снились ему в последнее время довольно часто. Они постоянно спорили и обсуждали чьи-то жизни. Травили анекдоты, планировали чьи-то жизни и ели очень красивые и наверняка вкусные бутерброды. Невероятно необыкновенные бутерброды.

Чем-то подкрепился на скорую руку и снова пошел искать собаку. Ковыляя, забрел на самую окраину поселка, туда, где уже совсем заканчивались дома и начинались приусадебные участки. Возле одного из ветхих строений, как ему послышалось, он как будто почувствовал дружка. Чувство его не подвело. В одном из сараев он действительно нашел его привязанным к столбику. Возле него стояла миска с водой.

Пес кинулся облизывать его, и казалось, хвост от радости просто оторвется. Но вдруг в сарай вошли они.

Одна из девочек держала в руках пакет с косточками.

– Я заберу его и уйду, – спокойно сказал он и начал отвязывать пса от столба.

– Убирайся, бомжара, – зло выкрикнула та, что держала кости. – Я сейчас отцу позвоню, и знаешь, что с тобой будет?

– Я заберу и сразу уйду, я уйду, – почти шепотом повторял он как молитву эти слова.

Как вдруг и получил этот удар по голове. Кровь струйкой потекла по лицу. Он даже не понял, что произошло. Просто обернулся и увидел одну из девочек с вилами в руках. Вероятнее всего, она ударила его черенком.

В голове зашумело. Он покачнулся, но на ногах устоял, улыбнулся и пошел с псом к выходу. Девочки преградили ему путь, одна из них схватила какую-то сучковатую палку.

– Я заберу и сразу уйду, – все повторял он. Одна из них бросила в него вилы, он увернулся и быстро подобрал их с пола. Направив остриями в ее сторону, он угрожающе прошипел:

– По-хорошему отойди, зашибу, – руки затряслись от страха и нахлынувшей обиды. Но девчонки уходить не собирались.

Та, что кидала вилы в него, быстро выбежала на улицу и притащила палку не меньше, чем у подруги.

Он смело начал движение к выходу. Девочка ринулась к нему с палкой наперевес. Он чуть приподнял вилы и аккуратно попробовал отмахнуться от нападавшей. Острые шипы аккуратно вошли в ее шею и вышли с противоположной стороны. Глаза у нее застыли в немом исступлении, зрачки расширились, руки разжались, и палка упала на пол.

– Мамочка, – тихо проговорила вторая девочка и стремглав вылетела из сарая.

Дханг

Бутон цветка, высушенный до определенного уровня, предварительно побывавший в руках очень влюбленной женщины, может являться сносным ингредиентом для составления любовных снадобий. Впитав в себя всю прелесть и очарование того нужного момента, он при определенных обстоятельствах будет с радостью передавать накопленное в общий букет переживаний.

Любая ведьма всегда тщательно охотится за подобными артефактами. Ее явно интересуют цветы со свадеб и похорон, где беззащитные бутоны пропитываются энергией происходящего. Порошки из таких цветов стоят очень дорого. Также ведьму интересуют последы от рожденных детей, особенно тех, что рождаются с четырех до пяти часов утра. Волосы и ногти упокоенных с декабря по февраль месяц и слюна девочек.

Правда это или вымысел, лучше спросить у самих ведьм напрямую.

Но все это ненужные подробности, потому что для посетителя подобного заведения главное не рецептура, а результат.

В вполне уютном жилище любой среднестатистической ведьмы вы наверняка найдете множество полок со склянками из толстого стекла с подписанными табличками. Бутыли слез, сундуки мышиных хвостов и пачки старых истрепанных колод карт. Все это само собой. Профессия обязывает. Кот, метла, ступа, паутина в углу, черные книги и котел с варевом по центру уютного бревенчатого дома на куриных ногах. Образ, некий стиль, что тут поделаешь? Или стереотипы.

Так что вряд ли вы встретите ведьму в современном платье с модной собачкой и в широкополой шляпе. Обитающую в современном мегаполисе, в центре, и путешествующую на маршрутном такси. Да и дом у нее не на куриных ногах и совсем без склянок и пробирок. Разве что одна большая бутыл в гостинной. Хотя...

Наталья Александровна выглядела и вела себя именно так. Объявлений в газеты не давала, ерундой не занималась, а занималась вышивкой и подрабатывала в институте машиностроения: двор мела да уборные выскребала. Вот такое волшебство на пенсии.

Но слава о ее колдовской натуре все равно шлейфом тянулась, как тень в полуденный час. Шли к ней люди и просили, и она всегда только спрашивала, а потом многие и просто так уходили. То ли понимали что-то, то ли еще что. Говорят, некоторые пропадали совсем. Но это только говорят так.

В это воскресное утро пришел Витя. Парень двадцати одного года, рыжий, в старом свитере и затертых джинсах. Когда Наталья Александровна оглядела его своим рентгеновским зрением, сразу увидела четыре дырочки. Две в носках и две в ауре, в районе головы. Ветер насквозь носился через эти технологические отверстия, а это означало для ведьмы, что Витя был пустым, никчемным человечешкой. И пришел по какой-нибудь ерунде или праздному любопытству. Тем не менее она была вежлива и проводила гостя в комнату.

Как ни силился паренек увидеть здесь хоть какие-то атрибуты ведьмовского ремесла, ничего он не обнаружил. Даже колоды карт не лежало.

– А вот мне сказали... – начал Витя, почесывая от волнения затылок.

– Сказали, значит, сказали, – тихо парировала колдунья и предложила чаю, причем, вопреки ожиданию Виктора, обыкновенного: зеленого с жасмином, а не из зубов мертвеца или крыльев летучей мыши.

– Какой тебя интересует вопрос? – перешла к делу Наталья Александровна и ласково улыбнулась.

– Что, прямо сразу про самое главное?

«Ну, – подумала ведьма, – Расскажи для начала про что хочется». Но вслух того не сказала, а лишь проинсталлировала данную мысль посетителю в голову.

Витя заерзал, но быстро абстрагировался от пришедшей мысли и начал так:

– Мне иногда кажется, что никакого счастья нет.

– Это как же так? – даже удивилась колдунья.

– Я вот смотрю по сторонам и не вижу его. Вообще не вижу.

– Вот представь себе, что ты идешь домой, – неспешно проговорила ведьма и закрыла свои большие зеленые глаза. Вместе с ней свои глаза закрыл и Витя.

– Представил, – загадочно прошептал он и даже приоткрыл рот от удовольствия.

– Вот ты идешь себе по улице, а навстречу тебе идут люди, самые разные. Опиши мне их, пожалуйста.

Витя сосредоточился и начал описать населения со всей серьезностью:

– Вот идет девушка с молодым человеком. Они держатся за руки и мило беседуют. Окружающего мира будто не существует для них, они пристально смотрят друг другу в глаза. Они живут друг в друге.

– Еще...

– Еще ковыляет пенсионер, он живет на пятом этаже, и ему очень тяжело спускаться и тем более подниматься наверх: больные колени. Но он очень любит вечерние прогулки со своей старой таксой. И преодолевает этот путь со слезами на глазах, болью и... А вот девочка бежит с уроков. Она получила пятерку и очень горда этим, ей хочется рассказать о том своей бабушке и написать маме, которая очень далеко (так говорит бабушка), так далеко, что и на ста самолетах не долететь. В волшебной стране под названием Рай. Когда девочка вырастет, он обязательно найдет возможность полететь в этот самый Рай и тогда уже никто не помешает ей говорить с мамой часы напролет.

– А вот это кто идет? – лукаво спросила ведьма.

– А это идет мальчик Витя, – ответил посетитель, – он хочет обмануть старую женщину и дать ей ложное понимание текущего вопроса. Вообще он сам плохо что понимает, зачем живет и зачем пришел сюда, к примеру.

– Открой глаза, – приказала Наталья Александровна и властно встала. – Неужели ты думаешь, что все эти люди хотят быть несчастными? Все, кто проходит мимо тебя каждый день? И от чего ты бежишь? И где твое место?

– Я не знаю, – робко ответил Витя, – я вообще просто так, из интереса, так сказать. Да и кому из них конкретно и что нужно делать, не разорваться же мне между всеми ними? Да и какое такое место? Вот я сижу перед вами на стуле, вот оно и есть мое место, разве нет?

– Хорошо, – подытожила колдунья, – предлагаю тебе нырнуть в Дханг, познать там себя и найти свое подлинное место.

– А что это такое?

– Пошли покажу, – сказала ведьма и повела парнишку за собой по длинному, постоянно уходящему куда-то вправо коридору.

– Бить будете, бабушка?

Наталья Александровна как будто не слушала его шуток и обстоятельно рассказывала о предстоящем испытании:

– Сам по себе Дханг не представляет из себя ничего особенного. Обыкновенная бутылка из очень толстого, закаленного, вероятнее всего, мутного стекла. Широкий у своего основания, неправильной прямоугольной формы, со сглаженными углами и вытянутой прямой горловиной. Размер прямоугольного дна сто восемьдесят на восемьдесят сантиметров. Входное отверстие круглой формы располагается на незначительной высоте (около полутора метров от земли) и настолько маленькое, что определенно кажется, что в него вряд ли пройдет взрослый человек.

Но это обманчивое представление о входе в Дханг. Из проверенных источников ясно, что достаточно приблизить к отверстию лицо, и ты начинаешь осознавать, что отверстие как будто изготавливалось под тебя. Затем в него аккуратно протискивается голова, плечи, туловище и ноги. Упав на дно бутылки, можно приятно удивиться, увидев то, через что вы только что сумели протиснуться с такой легкостью.

Дханг на одну треть заполняется теплой водой, причем, что удивительно, и это подтверждают многие путешественники, температура воды внутри совершенно не понижается со временем. И сразу, и на следующий день, впрочем, как и через более отдаленный срок. Вода внутри остается неизменной. По объему это примерно около двухсот литров. Затем в воду досыпается соль.

О том, в каких пропорциях в теплую воду добавляется соль, ходят всевозможные домыслы и небылицы. Одни утверждают, что это как минимум сто грамм на килограмм живого веса путешественника. Другие с данной позицией совершенно не согласны и утвердительно заявляют о шестидесяти граммах на килограмм, или литр, или сантиметр кубический. Одно ясно точно: ни те, ни другие не имеют честного представления о соли в Дханге вообще. Или же эти познания несут поверхностный характер и серьезно нами восприниматься не должны.

Истинный знаток Дханга и его почитатель точно скажет вам, что соли нужно сыпать ровно семьдесят шесть граммов на килограмм путешественника и ни граммом меньше или больше. Причем перед погружением следует основательно опорожнить содержимое желудка и толстого кишечника, дабы увеличить точность иллюзии и избежать погрешности в восприятии.

Также не менее интересен факт так называемого выныривания из Дханга. Чтобы проверить данный эффект на себе, говорят и даже советуют, сильно оттолкнувшись, набрать достаточное количество кислорода в легкие и погрузиться к дну с ускорением. Эффект же заключается в том, что вы, ныряя ко дну бутылки, вдруг оказываетесь на поверхности и с легкостью вылетаете из Дханга как пробка. Именно подобным основательным способом пользуются все путешественники для возвращения из бутылки. Подобный способ описан в записках святого Варфоломея как «парадокс карточного короля», или «зеркальность ситуативности». Дханг – зеркало человеческой души, он показывает всю истинность натуры, открывая путь к неизбежности. Создает ситуацию для путешественника, нужную только ему.

– Зачем, бабуса, вы все это мне рассказываете? – нервно озираясь, произнес Витя испуганным голосом.

– Затем, что ты сейчас будешь путешествовать, – совершенно серьезно произнесла ведьма и открыла маленькую красную дверцу, к которой и подвела Виктора.

За ней оказалась довольно просторная комната с описанной ранее бутылкой. Дханг находился по центру комнаты. С трех сторон он немного подсвечивался маленькими желтыми свечильниками, что придавало ему загадочность и торжественность. В углу в мешках стояла соль, а на полу у лесенки, ведущей к горловине, стояли напольные весы.

Витя затрясся, как осинка на ветру.

– Бабушка, отпустите меня, пожалуйста, я пошутил и больше так не буду...

– Раздевайся и лезь на весы, – спокойно сказала Наталья Александровна и, взяв ведро, приготовилась отмерять нужное количество соли.

Витя покорно разделся до трусов, но ведьма одним только взглядом дала понять, что снять нужно абсолютно все. Витя так и сделал. Встав покорно на весы, он горько выдохнул. Пройдя взвешивание, он удрученно отошел в сторону. И пока ведьма отмеряла соль и досыпала ее в Дханг, мысленно клял себя за любопытство, проявленное ко всему темному и неизведанному.

– Готово, – улыбнувшись, сказала ведьма и ласково шлепнула Витю по плечу, – счастливого пути.

Молодой человек неспешно поднялся по лесенке и приблизился к горловине. Она действительно была невелика. Спорить с бабкой он уже не хотел, да и не мог. Какая-то неведомая сила теперь тянула его внутрь этого сооружения. Он зажмурился и поднес лицо к отверстию. К его удивлению, голова легко прошла в него, а затем и плечи.

Водный соленый водоворот встретил Витю, стремглав поглотив его, как акула проглатывает маленького беззащитного тюленя. В теле появилась необычайная легкость и умиротворение. В воде Дханга было тепло и уютно, как во чреве матери. Но вдруг Витя понял, что он не плавает а бежит...

Он бежал, бежал что есть сил. Хотя силы уже оставляли его. Мгновение назад он еще был уверен, но теперь правая нога еле волочилась, мешая и принося невыносимую боль.

«Кажется, я ее сломал», – мелькнуло в голове, и он попытался прибавить ходу, но тут же взвыл от боли, пронизывающей его истерзанное тело. Каждое деревце было на пути преградой, каждый ров – испытанием. Ночь сгушалась. И ему казалось, что он чувствует их запах повсюду. А что если он не успеет? Что если они уже отрезали путь к переправе?

«К воде, – пронеслось мыслью, – нужно подобраться к воде. Если пойду по ручью, они сойдутся со следа». Но до ручья было предательски далеко. Да еще нога. Надо же было так вляпаться.

Где-то в сырой, пропахшей мхом и болотиной чаще ему послышался шорох.

– Это они, – панически прошептал он.

Прижавшись к сырой земле, он затаился. Он даже постарался не дышать. Но стук сердца, так отдававшийся в его висках, казалось, барабанит на всю округу.

– Господи, – тихо взмолился он, спаси меня и сохрани.

Шорох стих.

Сначала они постояли, внюхиваясь в воздух, ища пленительный след своего преследования. Но ветер дул от них. И лежащего молодого человека, прикрытого разве только мокрыми еловыми ветками и покровом ночи, они не учуяли.

Тогда он понял, что пока ветер не переменится, у него еще остаются шансы. На жизнь, на побег. Он быстро достал из походного рюкзака бельевой жгут и торопливо примотал к сломанной ноге две толстые еловые палки. Одобрительно кивнув своей находчивости, он тихо-нечко привстал. И, стараясь как можно тише, поковылял к ручью. В правую руку он взял длинное лезвие ножа.

– На всякий случай, – прошептал он, – на всякий случай.

Через минуту он почувствовал запах ночной фиалки. Это был верный знак. Он движется в правильном направлении. Скоро они поймут, что на переправе его нет, и тогда... Но тут ветер резко сменил направление. И он понял. Преодолевая боль, он побежал с удвоенной силой. И они тоже это поняли. Его запах в сотую доли секунды впитался в их обоняние. И они стремглав развернули погоню.

Он уже не видел, куда несется сквозь ночь и лес. Он ориентировался на аромат фиалки. Именно она росла по берегу ручья. И чутье его не подвело. Сделав два прыжка, он буквально влетел в ледяную воду. Луна, немного выглянув из-за тучи, осветила ночной пейзаж. Он улыбнулся. Как ему казалось, выйти к ручью он должен был по меньшей мере в районе Куриной балки. Но увиденное обрадовало его и поразило одновременно. Это было самое устье ручья. Случайный подарок судьбы. Он ликовал. Именно здесь он впадал в протоку, отделяющую остров от большой земли.

Он осторожно вошел в ледяную, но такую родную для него спасительную влагу. Нога сразу перестала болеть, и даже на мгновение показалось, что луна улыбается ему. Он жадно пил студеную воду и смеялся. Смеялся, как смеются самые счастливые люди на земле.

Но сзади что то хрустнуло. Он пошатнулся, медленно обернулся и...

Они стояли, молча смотря ему в глаза. Он знал, они редко разговаривали. А если и делали это, то в редких случаях и только по существу. Главного с ними не было. И они нерешительно, казалось, мялись у кромки ручья. Ожидая его.

– Иди к нам, – ласково прошептал стоящий ближе всего к воде. – Ты же понимаешь, что сейчас придет он, и ты уже не выйдешь на берег, ты выползешь сюда с кровавыми соплями. И никакие молитвы тебе не помогут.

Но он хорошо знал их повадки. За долгие годы и месяцы он отлично усвоил, что в воду они не полезут. И кто бы мог подумать, что простая вода вводит этих тварей в такое неистовство. Витя вдруг потряс головой. И откуда эти знания были в его голове? Но ведь он знал это, безусловно знал. Он улыбнулся.

– Да пошли вы, – грубо отозвался он на призыв. И, резко развернувшись, ринулся к середине ручья. Набрав воздуха, он нырнул.

Под водой, как ему казалось, он провел вечность. Вынырнув где-то посреди ручья, он с новыми силами погреб в сторону протоки. Краем глаза он наблюдал за ними, своими преследователями. Они волчком и кубарем носились вдоль берега, рыча в его сторону. Но вдруг затихли. И это могло означать только одно: он здесь.

Плывущий молодой человек увидел его не сразу. Скорее почувствовал. Страх, непонятно откуда-то взявшийся, пронзил его. Ужас, казалось, даже вода запахла ужасом. Он осторожно посмотрел на увал, стоявший на самом входе ручья в протоку. И увидел: как ночной страж, как пограничник миров, на увале, пронизывая материю единственным своим желтым глазом, стоял он. Стоял и даже не смотрел в его сторону.

Казалось, что ничего его совсем не беспокоит. Ни эта погоня, ни плывущий по ручью человек. Он совершенно спокойно, без каких-либо эмоций созерцал гладь протоки, лунную дорожку, уходящую к теням большой земли. И неторопливо дышал ночной прохладой ручья, замешенной на терпком и ласкающем аромате ночной фиалки.

Главный посмотрел на него и тихо прошипел:

– Плывеш-ш-ш-ш-шь?

И шепот этот как эхо пронесся по всей округе. Деревья замерли в ожидании развязки, ветер стих, а луна полностью выкатила свой лик на всеобщее обозрение.

– Ты потерял много крови, ты не доплывеш-ш-ш-шь, – так же прокатилось над гладью воды.

– Мне плевать, – сильно выкрикнул он.

– Ну-ну, – язвительно подытожил главный.

– Ты что, отпустишь его? – нервно гавкали его сородичи.

Но он, повернув к ним морду, только яростно оскалился. Свора поджала уши и стремглав кинулась прочь, в чащу леса.

– Послушай меня, сынок, – медленно продолжил говорить одноглазый, – иногда нам кажется, что то, что мы делаем или же не делаем, есть либо хорошо, либо плохо. Иногда так кажется, что спасительная свобода и есть освобождение. А на самом деле это тюрьма. Или, еще того лучше, чья-нибудь прихоть. А еще лучше – судьба! Вот только одно не дает мне покоя. Да и, думаю, всем нам, – и он задумчиво втянул ночной аромат своими большими ноздрями в себя. – Приходится понимать, что все-таки выбор делать нам самим. Особенно в том, что касается нужности.

Но молодой человек уже не слышал его, он, подхваченный течением, стремглав неся к спасительному берегу. Точкой исчезая с поля зрения одноглазого. Он ликовал, но кровь медленно оставляла его из разверзнутой раны. И в тот самый момент, когда он увидел небольшой огонек на том берегу у переправы, потерял сознание. В последнюю минуту Витя подумал: «Как хорошо найти свое место в жизни, необыкновенно хорошо». Его тело медленно качалось на волнах, теперь совершенно безжизненно. Но с улыбкой. Со смелой улыбкой на лице.

Одноглазый еще долго стоял и смотрел на бесконечную гладь протоки. Ветер нежно ласкал его черную шерсть, а ночные шорохи волновали его слух.

– Ну что ж, – тихо подытожил он, – может, с этого и выйдет что хорошее? А то живешь себе, как говно по трубам, а мимо люди идут, а ты счастья не видишь в них. А потом бултых в воду – и зло сразу как будто где-то. Где-то очень не для тебя и не про тебя. И смерти нет, и черное – это всего лишь немного темно-белое. И это не заблуждение, это образ видения мира. Не через призму розового или белоснежно-ангельского. А истинное желание, и сквозь это истинное желание и приходит вот такое истинное видение мира. Как будто что-то оторвалось от земли, от самой ее тонкой прослойки, видимой только богу. И одновременно отделилось от тебя. И две этих субстанции соединились и перемешались. И стали одной крови. И становится совершенно ясно, каким теперь ключом заперта та великая тайна творения, надежно спрятанная от нас создателем, но лежащая на поверхности двух плоскостей, теперь ставших одним целым.

А потом он загадочно и тихо завыл на желтый блин лунного круга. И вой этот пронесся по округе как зов, как сигнал начала чего-то нового.

Витино тело еще немного побыло на поверхности и его начало сносить сильным течением под коряги.

Наталья Александровна подобрала его вещи и тут же сунула их в один из мешков из-под соли. Еще нужно было довязать носки и не опоздать вечером на работу.

Я люблю...

Если долго взбивать пену, пытаясь сосредоточенно воспроизвести бурю в стакане, то, вполне вероятно, из нее выйдет вполне сносная Афродита. А по мне, все женственное (хоть и не всегда прекрасное) берется из тех же мест, что и обыденное. То есть из туманного и неблизкого завтра. К «завтра» вообще относишься всегда осторожно. Жить же спешим. На бегу спим, на бегу принимаем душ (даже не успев понять, прошло ли плановое отключение горячего водоснабжения, возможно, оно планируется или происходит в данный момент). Скользящий (ничего не несущий за собой в эмоциональном и сексуальном плане) прощальный поцелуй. Дежурные бутерброды в портфель (знать бы еще, кто их по ночам изготавливает, цены ему нет!). И постоянно путаем педали. Наступило ли оно, это пресловутое «завтра»? Или «завтра» все же наступит завтра? Лучше всего в этом разбираются люди, которые непосредственно в этом самом «завтра» и пребывают. А пребывают там лишь те, у кого этого самого «завтра» попросту нет.

Я сам из таких. Сегодня я проживаю свой последний день. И чем же я занят? Я вслушиваюсь в каждую секунду, пытаюсь взвесить ее ценность и ощутить на своей коже ласкающее прикосновение времени? Или, возможно, я перелопачиваю в своей памяти многотомные фотоальбомы и рукописные дневники?

Помнится, в школьные годы в моде были анкеты с нелепыми, но очень про главное вопросами. Девчонки-одноклассницы аккуратно выводили в толстых обихих тетрадках: «Любимый цвет?», «Любимый вкус?», «Любимый...». А потом еще что-то о глубине твоих искренних чувств, о первом поцелуе... И все это чудо, было сдобрено приклеенными цветами из открыток, бережно собранных от разных торжеств и событий. И рисованными сердцами и стрелами. Девчонки тогда ходили в ядовитых лосинах и с переменным успехом травили нас этим своим ядом.

Или, может, я решил восполнить пробел и успеть именно сегодня прочесть все самые нужные книги? Может, можно еще успеть посадить деревце? Перевести бабушку через дорогу? Снять котенка с крыши и щедро посыпать семечек городским пижонам-голубям? Покормить лошадь яблоком с ладони. Позвонить маме? Признаться в любви? Научиться слушать тишину? Поговорить с богом?..

Не сильно ли много планов на последние сутки? Мои же начались до банального просто. А закончились... Но обо всем по порядку.

В детстве отец лупил меня как резинового зайца. Видимо, пытаясь таким образом выколотить из меня все то, что не соответствовало его представлениям о современном интеллигентном человеке. Первый раз он поднял на меня руку, когда я ненароком отозвался на чужое (свое) имя. Дело в том, что с моим именем связана довольно-таки мутная история. При моем рождении отец не присутствовал. Нет, он не бросил нас с мамой, он попросту не был в курсе, что я появился на свет. Их связь с мамой была минутным увлечением (или, если хотите, данностью). Мама уже тогда начала попивать «ослиную мочу» – так в тех местах, где рождаются такие, как я, называют все остатки пива из толстопузых кегов. Тех, что с щедростью делились своим содержимым всю ночь. А наутро их выбросили на общую, весьма разросшуюся городскую свалку. Такие, как мама, упорно выдавливали из их нутра остатки желтой пены, отстаивали ее до образования однородной жидкости и употребляли. У «ослиной мочи» был вкус ослиной мочи, но каждое утро мама упорно шла на свалку и добывала до трех-четырёх литров. Чтобы от «мочи» был толк, гораздо позже она начала добавлять туда сушеную белену. Чтобы приготовить оную, нужно было с небывалым усердием собирать миллионы бутонов бледно-серого цветка, поросшего здесь с лихвой. Выделить сладкую сердцевину, высушить и перемолоть в готовое сырье. Так здесь делали все. Все, кроме отца. Он приехал с Востока. То ли

на заработки, то ли просто потерял свой паспорт и вынужденно остался в нашем помоечном городке. Но в одно утро он встретил у городского бара ее, мою маму. Мама пришла к бару, чтобы попросить работу. Она лихо мыла посуду, мела двор и делала минет. И в любом из этих дисциплин равных ей не было, и это правда. Она (по ошибке, конечно) приняла отца за хозяйина и уверенно подошла к нему с предложением заработать немного наличности. Отец усмехнулся и затащил ее в свой оранжевый фургон. Затем всунул ей в трусы десять баксов и выкинул у окраины свалки. Мама утерлась, поправила юбку и пошла к своей маме, моей бабушке. Которая обитала здесь же, на свалке. Жила она в большой картонной коробке из-под современного огромного холодильника фирмы «Kandoms*s». Так ее и звали здесь – миссис Кондомсс. Так вот, миссис Кондомсс так и сказала ей в тот день:

– Милая моя, сдастся мне, ты понесла.

– Почему ты так решила? – спросила тогда мама.

– Сегодня тот же день и час, – смело предположила бабуля, – в который я зачала тебя много лет тому назад.

Так через определенный срок на свет появилось сморщенное существо. И это был я. Миссис Кондомсс, посмотрев на молчаливое мое поведение, попыталась растряссти меня для первого младенческого крика. Но я был непоколебим. И тогда она назвала меня Фредом.

– Он точно Фред, – заявила она моей маме, своей дочери, – точно как тот Фред, что бросил меня на этой проклятой помойке с брюхом и без копейки в кармане.

– Нет, – уверенно сказала мама, – я назову его Фагундос Альберто, в честь моего любимого аргентинского танцора фламенко. Он будет щеголять в таких же широких атласных рубашках и так же лихо отстукивать широкими каблуками по мостовой.

Но местный пастор при крещении дал мне иное имя, и звучало оно так: Ольга. Что там было в голове у этого умудренного жизнью мужика в пасторских одеждах, точно не скажу. Но предположу, что он попросту был пьян. И при церемонии крещения перепутал или принял меня за девчонку. Так я и стал Фредом Фагундос Альберто Ольга. И это правда!

Что же до отца... В моей жизни он появился случайно. Еще в детстве ему внушили, что он бесплоден. Кто и при каких обстоятельствах, я точно не скажу. Но тем не менее. Покинув наш городок, спустя год или два он попал на сеанс к гадалке. Звали ее фрау Армянка. Не правда ли, странное имечко для наших мест? Так вот, Армянка эта попросила моего папашу выдуть свежесваренный кофе и, всмотревшись в осадок, заявила ему следующее:

– В городке с помойкой у тебя родился сын, и больше у тебя наследников не будет. И женщин тоже. Так что...

Так что папаша мой завел свой оранжевый «Додж» и рванул к нам, в город с огромной городской помойкой. Найти маму не составляло особого труда. Придя в утренний час к городскому бару, он тут же наткнулся на вечную искательницу приработка. Причем она была в той же юбочке и с тем же выражением лица. Не подумайте, что папа мой облазил все городские бары в городке, прежде чем найти нужный. Дело в том, что в нашем городишке все имелось в единичном экземпляре. Одна почта, один банк, один публичный дом, один бар и одна помойка на всех. И это правда!

Первое мое детское воспоминание и связано с его появлением. Я лежал в колыбели, а он смотрел мне прямо в глаза.

– Я назову его Спот, – гордо произнес отец и потрепал меня по щеке, – даже несмотря на то, что у него нет моих ямочек на щечках.

На что миссис Кондомсс сказала:

– Ямочки на щечках появляются у малышей, чьи отцы присовывают мамочкам во весь срок беременности.

А так как он, то есть папочка, этот благодатный период пропустил, а мама оказалась честной представительницей местной популяции искательниц счастья, то и ямочек нет. И это правда!

Так я и стал Фредом Фагундос Альберто Ольга Спот, и это тоже правда. Но вернемся к первому замесу. Я многого из детства не помню, но тот день и час я помню и сейчас. Я шел по нашей улице. А нашей она стала, как только папочка съездил на Восток, порешал там все свои взрослые дела, продал «Додж» и купил нам всем небольшую скромную квартирку в центре помоечного городка. Обставил ее в стиле «Это что... мебель?» и устроился в местную управу участковым, смотрящим за порядком. Ему тогда выделили белую хроющую кобылу по кличке Сью и резиновую палку со свистком. И даже миссис Кондомсс теперь жила с нами. Спала она по-прежнему в своей коробке из-под холодильника. Только стояла она теперь в прихожей. И всем приходилось изрядно постараться, чтобы обогнуть все это строение и не пораниться серьезно. Но отец как будто и не замечал всех этих неудобств, он жил мной.

Так вот, я шел, и соседка окликнула меня.

– Альберто, – крикнула она, – приди и забери молоко, что заказывала миссис Кондомсс.

И это услышал отец. Он подошел ко мне, к маленькому человеку, и врезал такую оплеуху, что в ушах у меня зазвенело.

– Твое имя Спот, – жестко заявил он и еще раз влепил мне по башке. Так он и начал мое воспитание.

Сразу скажу, за что папа меня лупил. За все. И это правда! В его ассортименте была так называемая «балловая система депремирования». Он составил свой собственный кодекс интеллигентного существования, и любое отклонение каралось лишением баллов. Не доел завтрак – минус балл. Надел вчерашние носки – минус балл. Но это было только началом. Позже, когда я пошел в школу, он лично экзаменовал меня по всем дисциплинам. И за каждую неправильно поставленную запятую он минусовал меня по полной программе. Миссис Кондомсс называла это «побаловать». Каждый понедельник все получали по заслугам. И мало того, что и среди недели получалось получить по загревку, в понедельник меня избивали с изрядной старательностью. Происходило это так. В нашей квартирке (а нашей она стала с тех пор, как папа выплатил за нее всю ипотечную задолженность в размере тысячи двухсот долларов и семи центов) имелась специальная кладовочка. Папа приглашал меня на беседу и отрабатывал на мне всю свою принципиальность. И это правда.

Но что это я все про себя и про себя. Пора бы уже и про нее.

Первый раз я встретил ее на крыше городского больничного стационара. Периодически я находил здесь уединение. В то утро я проворно поднялся по пожарной лестнице и уткнулся носом в ее живот. Видимо, она уже решила спуститься вниз.

– Привет, – испуганно пролепетал я, – у меня длинное имя, но отец назвал меня Спот. И ты, если желаешь, можешь называть меня, как тебе вздумается.

– Мое имя гораздо короче твоего, – улыбнувшись, сказала мне она, – и звучит оно так: Эмм.

Эмм научила меня плести чешуйчатых рыбок из бывших в употреблении больничных систем. Сначала требовалось пропустить через них йод и зеленку, высушить и растянуть как следует. Из регулирующего колесика изготавливался глаз, а предварительно разрезанные и завитые кончики превращались в ажурный хвост и плавники. Еще она плела маленьких пузатых чертиков, но их я так и не освоил. Эмм научила меня разговаривать с облаками. С каждым из них следовало вести определенного рода беседы. С большими раскидистыми мы говорили о тех далеких краях, в которых им довелось побывать. С маленькими, похожими на зверей, разговор шел о поэзии. С лиловыми мы трепались про кино и музыку, а с темными и сверкающими молниями старались не разговаривать вообще. «О чем с ними говорить, – говорила Эмм, – они же злюки».

Мы брали с собой на крышу множество разноцветных стеклышек и смотрели на мир через призму их граней. Мы стояли на самом краю крыши (так близко, что половина наших ступней свисала над пропастью) и отчаянно кричали: «Я люблю тебя, мир!!!».

Оговорюсь сразу, Эмм была глухонемой девочкой. Не спрашивайте меня, как мы часами общались, сидя на нашей крыше. Я и сегодня толком не объясню этого. Но я ее прекрасно понимал и видел это же понимание в ее больших зеленых глазах. Нам было по восемь лет, и там, на нашей крыше, мы были самыми разговорчивыми на планете существами. И самыми счастливыми.

Как-то Эмм сказала мне: «Чтобы понимать друг друга, и болтать нет причины». И я тоже замолчал. Нет, конечно, перед этим я уверенно пришел в нашу квартирку, и не менее уверенно сказал свои последние слова:

– Мама, отец, миссис Кондомсс, – заявил я, – я умолкаю и молчать буду столько, сколько сочту нужным.

Мама покачала головой, бабушка молча уползла в свою коробку. А отец сначала сказал:

– Мистер Фред Фагундос Альберто Ольга Спот, пройдемте в кладовую. А затем избил меня так, что душа трижды покидала мое детское тельце и по непонятным всем причинам возвращалась обратно. Но слово свое я сдержал, в том плане, что ни слова больше не проронил. И это чистая правда.

Самый противный в мире продукт выглядит так: густая прозрачная субстанция с запахом тухлятины и мочи. Именно такую штуку я расфасовывал по тубикам на местном китобойном комбинате. Учиться я больше не мог, и когда мне исполнилось одиннадцать, папаша отправил меня зарабатывать зелень.

– Человека из него не вышло, – сказал он как-то своей лошади, – пусть хоть хлеб даром не жрет, немтырь нерадивый.

Что же, приходилось фасовать китовый жир. Хотя таковым он не являлся. Погружу вас немного в тонкости производства. Дело в том, что в окрестностях водилась речная выдра. Раскормившись на необъятных просторах нашей помойки, некоторые особи вырастали до необъятных размеров. Специальные бригады ловцов (в основном беспризорники и жители свалки) охотились, добывали и сдавали их на фабрику. В общий котел шли также трупы пойманных кошек и собак, помойных птиц. Поговаривали даже, что и умерших на свалке бездомных. Так вот, все это добро вываривали в паровых котлах. Из костей делали муку. А жир фасовали в тубики и продавали, говорят, что японцам, хотя сам я лично ни одного японца не видел. Почему все это чудо называлось «китовый жир», я не скажу. Не потому, что не говорю с тех пор, как дал слово, а потому, что не знаю. И это правда.

Одна радость: Эмм работала здесь же. Отмывала паровые котлы от этой гадости. В перерывах мы весело щебетали. Со стороны это выглядело как гипноз. Двое совершенно молча сидели и смотрели друг другу в глаза. Местами улыбались, местами плакали, серьезно кривили губы и оттопыривал друг другу уши. Нам же было плевать, что о нас подумают другие.

В один из таких перерывов я вдруг сказал Эмм:

– Эмм, я знаю, когда ты умрешь.

– Я знаю, что ты знаешь, – ответила мне девочка с большими зелеными глазами. – Это оттого, что ты сосредоточен на своей мысли, и все это от побоев и молчания.

– Как это связано? – непонимающе спросил я.

– Вспомни, – прошептала мне Эмм, – что ты чувствуешь, когда отец лупит тебя? О чем ты думаешь?

Я задумался. В последний раз (а был он накануне вечером) я думал о следующем:

«Вот так и смотри на жизнь. Не стесняйся своих сокровенных желаний».

Так хотелось тебе уехать. В далекий морской край, на другой конец Земли. Туда, где песок белый и ласковый, где жизнь, как в рекламном ролике. Где люди, как боги, не нуждаются

ни в чем. Где летающие рыбы шепотом переговариваются с высоко парящими чайками. Где старый пират закопал свое награбленное. И лежит оно там, просится наружу. Дышит через раз, притомилось в песочных недрах и ждет смелых твоих прикосновений. Туда, где ты, так легко коллекционирующая мужские взгляды, с лихвой пополнишь свою огромную коллекцию. Где море цвета счастья, а солнце похоже на переспелый апельсин. И твоя закутанная в лень рука медленно тянется в его сторону. Как-то твой знакомый писатель написал про здешние места: «Вода. И такая вода течет из его нутра, редкая вода. Такая водится в тех заграничных морях, где вволю резвятся мокрые дельфины, полируя свои бока в стремительной волне. Витиеватые медузы с бесконечными своими хвостами. Томные и могучие скаты, парящие над бездонными безднами, знающие цену силе и милосердию. Не знающие усталости и страха, понимающие все синие киты. Игривые морские коньки и взбалмошные, веселые рыбы». Там не снятся сны, не потревожат тебя своим беспокойством ни ночная птица, ни случайный шорох. Здесь даже звезды с неба падают так тихо, что море, принимая их с шипением, прикладывает укоризненно пальчик к губам. Здесь голубыми вечерами бармен разливает свою душу по высоким бокалам, добавляет немного чувственности и подает с ломтиком любви. Эта страна проглотит тебя, окутает обаянием и впитается с загаром в твой ум. И когда в январские морозы ты будешь мерзнуть на автобусной остановке, тебе непременно вспомнится этот теплый песок. Этот ломтик любви в твоём бокале, синий вечер и солнце – переспелый апельсин. Домой с улицы ты принесешь снег в карманах, улыбнешься и проведешь рукой по улыбке, светящейся с твоей фотографии на стене, снова захочешь вернуться обратно... Туда...».

И все это я думал о тебе, моя маленькая Эмм, но умрешь ты завтра. Упадешь в разогретое чрево котла и сварись заживо.

Мы оба заплакали.

– Я так хочу увидеть это твое... мое море, – улыбнувшись сквозь слезы, прошептала мне Эмм и сильно сжала мне руку чуть повыше локтя.

Утром, когда я пришел на расфасовку дерьма, ее уже унесли. Вернее то, что от нее осталось. Запихивая жир в тубики, я был уверен, что сегодня в состав этой пакости вошла и моя маленькая девочка. Думаю, что владелец завода не стал выносить сор из избы, а попросту распорядился сунуть ее тело в один из жироплавильных котлов. Так сбылась заветная мечта Эмм. Запаковывая ее в маленький тубик, я знал, что теперь-то она точно увидит море. И не важно, что Японское, и не важно, что из маленького тубика с дерьмом, но увидит. Нарушив все инструкции, я уверенно содрал заводскую этикетку и, наклеив ее обратной, белой стороной, чернильным карандашом написал: «Я люблю тебя, мир. Я люблю тебя, Эмм». И отправил свою девочку к своей мечте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.